

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского

**ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ:
СОДЕРЖАНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ**

Материалы конференции «Чтения Ушинского»

Ярославль
2005

УДК 3:001.12
ББК 60.63.3.
О 285

Печатается по решению редакционно-
издательского совета ЯГПУ имени
К.Д. Ушинского

Обществознание: содержание и преподавание:
~~О-28~~ Материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль:
Изд-во ЯГПУ, 2005. 104 с.

Научный редактор: доктор исторических наук,
профессор М.В. Новиков

ISBN 5-87555-508-4

© ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2005
© Авторы материалов, 2005

Образование и обществознание в допетровской России

1. Первоначальными истоками педагогических идей древнерусского общества был патриархальный строй древнерусской семьи, христианское вероучение, а также остатки первобытной демократии (родовые собрания, превратившиеся в вечевые собрания). Определение истоков такой глубины имеет, по нашему мнению, самое прямое отношение к нашей теме. Именно они стали главными компонентами формирования древнерусского образа мышления, а впоследствии и русского менталитета. На первом месте здесь находился патриархальный быт с его порядками в организации труда, повседневной жизни, досуга и т. д. Власть главы семьи – мужчины – беспрекословна, условия для формирования самостоятельной личности детей отсутствуют; малейшая инициатива, выходящая за рамки традиции и привычного уклада, подавляется; положение женщины почти такое же бесправное как и детей; дисциплина в доме сурова до жестокости.

С введением на Руси христианства наши предки, долгое время ещё находясь в условиях двоеверия, сохраняя языческие пережитки, руководствуясь патриархальными правилами жизни, прежде всего и больше всего усвоили ветхозаветный педагогический идеал, содержащийся главным образом в двух книгах Ветхого завета: притчей Соломоновых и премудрости Иисуса, сына Сирахова. Кратко этот идеал представляет собой следующее: Господь возвысил отца над детьми и утвердил суд матери над сыновьями. Почитающий отца очистится от грехов и уважающий мать свою – как приобретающий сокровища. Уважающий отца будет долгоденствовать, и послушный Господу успокоит мать свою. Боящийся Господа почитит отца и как владыкам послужит родившим его. Понятно, что здесь можно видеть расширенное толкование одной из десяти заповедей, составляющих сердцевину христианской морали. Служение отцу и матери

сливалось в сознании наших предков со служением Богу, а оскорбление родителей – с оскорблением божества. Ветхозаветный педагогический идеал вполне соответствовал патриархальному мировоззрению, они усиливали друг друга. А вот новозаветные (евангельские) заповеди о любви, кротости и снисхождении усваивались гораздо медленнее, слабее и неувереннее. Но именно там впервые была выдвинута одна из основополагающих идей общественной жизни – равенство (в послании апостола Павла римлянам говорится: «нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех»).

В Новом завете проводилась ещё одна идея, которая, будучи усвоена не формально, не поверхностно, могла бы оказать весьма благотворное воздействие на древнерусское общество. В том же послании ап. Павла особый упор делается на единение людей, их соборность: «мы многие составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены», «будьте братолюбивы друг ко другу с нежностью», «будьте единомысленны между собою», «если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми». Поставленные в центр воспитания, эти идеи могли бы принести неплохие результаты для образования прообраза гражданского общества. Но очевидно, что наши предки больше обращали внимания на другие мысли ап. Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены.

2. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. И потому надобно повиноваться не только из страха, но и по совести».

Таким образом, даже с чисто идеологической стороны люди Древней Руси находились под более сильным влиянием патриархально-ветхозаветных идей. Кроме того, не следует упускать из вида ещё одно обстоятельство: формирование древнерусского этноса включало ещё один субэтнический компонент, тюркский, который представляли народы, в основе жизни

имевшие военно-патриархальный уклад. В той или другой степени тюркский компонент (печенеги, половцы, татаро-монголы) оставил свой след в складывании российского менталитета.

Конечно, православные священники и проповедники учили, что суть христианского учения в любви, без которой все добродетели ничто, что истинное спасение лежит не на путях внешней обрядности, а усвоения христианского учения сердцем и умом, исполнения евангельских заповедей в жизни. Очевидно, что всегда были люди, вполне усвоившие христианское мировоззрение и осуществлявшие в жизни начала христианской морали. «Но, — отмечает дореволюционный исследователь истории русской педагогики, — христиански настроенных лиц всегда было мало, мягкие гуманные чувствования плохо воспринимались нашими предками, их ухо склонялось более к суровому тону поучений в ветхозаветном духе. Причина этого, кроме патриархального, сурового склада семьи, заключалась ещё в родственном сильном течении духовной жизни русского народа, состоявшем в чисто внешнем, формально обрядовом, понимании христианства, причем внутренняя духовная его сущность совершенно упускалась из вида. Христианская ревность наших допетровских предков, вместо догматического и нравственного учения, направлялась на сохранение в строжайшей неизменности церковных обрядов, канонов и песней; составлялось убеждение, что не только в вере, но и даже в этих канонах «ни у какого слова, ни у какой речи не убавить, не прибавить ни единого слова не должно, и что православным должно умирать за единую букву аз» [1]. Науку, которая могла бы в известной степени способствовать усвоению христианства на Руси, знали мало и немногие.

Наука могла бы привести изучающих ее к расширению кругозора до пределов осознания общественного (светского, гражданского) общежития, но для этого нужны были сведущие учителя и так или иначе развитая система школ и училищ. Между тем ни того, ни другого на Руси долгое время не было, хотя ещё с дореволюционных времён существует традиция с одной стороны

преувеличивать успехи и распространение русского просвещения и школ в домонгольский период (Н.А. Лавровский, М.П. Погодин, С. И. Миропольский, М. Д. Хмыров), а с другой – считать их более скромными, а заявление вышеназванных авторов – «фантазиями патриотически настроенных умов» (Е. Е. Голубинский, И. Е. Забелин и др.). Прямых данных о наличии профессиональных школ того или иного рода на Руси почти не существует, но необходимость вести церковную службу и отправлять обряды уже предполагает профессиональную подготовку священнослужителей. Можно полагать, что именно эта необходимость и обусловила появление самого дела книжного обучения.

Поскольку христианство на Русь пришло из Византии, первыми учителями у нас были представители этой державы (греки). У них учились русские люди разных сословий, имеющие тягу к религии и учению. Центрами обучения могли быть церкви, монастыри, дома священников. По разным причинам процесс этот не стал стабильным, непрерывным и расширяющимся. Время от времени раздавались голоса о малочисленности грамотных людей, нехватке школ и училищ; об этом же свидетельствовали многие иностранцы, побывавшие в Москве. Такое же положение отметил Стоглавый собор в 1551 году: во многих городах есть люди, желающие стать дьяками, дьяконами и священниками, но получить необходимые для этого знания им негде. Поэтому собор постановлял: «В царствующем граде Москве и по всем градам по благословению своего святителя избрати добрых духовных священников и диаконов и дьяков женатых и благочестивых, имеющих в сердцах страх Божий, могущих и иных пользоваться грамоте чести и пети и писати гораздивы. И у тех священников и у дьяконов и у дьяков учинити в домах училища, чтобы священники и дьяконы и все православные христиане в коем-уждо граде давали своих детей на учение грамоте, книжного писма и церковнаго пения и чтения наложнаго, и те бы священники, и дьяконы, и дьяки избранные учили своих учеников страху Божию и грамоте и писати и пети и чести со всяким духовным наказанием» [2]. Считать,

что постановлением Стоглава проблема училищ на Руси была решена, больших оснований нет, известно, каких значительных размеров дистанция может быть у нас между решением и проведением этого решения в жизнь.

Никаких средств ни из каких источников на эти училища предусмотрено не было. Отсюда понятно, что обучение чаще всего концентрировалось вокруг тех лиц, которые имели малый достаток и вынуждены были набирать учеников и жить за счет их платы за обучение. Так в XI веке на Руси появились «мастера» грамоты, учителя-дьячки, выдержавшие конкуренцию со школами разного типа вплоть до XIX века. И дьячки, и существующие так или иначе, в той или иной форме училища учили одному и тому же: азбуке, письму, читать часослов, псалтырь, апостол и, наконец, Библию. Подавляющее большинство учеников заканчивали обучение псалтырью или часословом, тоже в значительной мере состоявшим из псалмов, то есть они приобщались к высокому слогу, возвышенным тонам религиозной поэзии, чувству раскаяния, сознания своей греховности, ничтожества перед Богом, покорности воле Бога, им внушался страх перед высшим гневом, мстью и жестокостью, что опять-таки мало соответствовало воспитанию на высоком идеале христианства.

Только в XVII веке училища (как более организованная форма обучения) начинают вырваться вперед по сравнению с учителями-дьячками. В 1619 году в Вильне впервые была напечатана «грамматика» М. Смотрицкого (а второе издание вышло только в 1721 г.). Но дьячки продолжали находить себе учеников, хотя их знания уже отставали от школьного знания. Образовывалась ещё одна линия раскола русского общества – по уровню образования. Можно предположить, что князья и другие состоятельные люди могли обеспечить своим детям более качественное образование, но даже если это и было так, то вряд ли оно намного отличалось от общесреднего стандарта и во всяком случае не могло сыграть решающую роль в общенародном уровне образования.

То же самое можно сказать о тех образцах общественно-политической мысли, которые мы находим в древней Руси. Так, в светском сочинении «Слово о полку Игореве» (XII век) красной линией проходит идея государственного единства. Какое влияние имело «Слово» и его основополагающая идея на русское общество, можно увидеть хотя бы по тому, что уже в XIII веке начинается татаро-монгольское нашествие на разорванную междоусобицами русскую землю, закончившееся 200-летним игом. В своих духовных грамотах, завещаниях великие князья призывали своих сыновей жить в мире, править согласно с мнением советников – бояр, но на деле так получалось далеко не всегда. Во многих произведениях древнерусской литературы – «Слове о Законе и Благодати» Илариона, «Повести о разорении Рязани Батыем», «Задонщине» – развиваются темы превосходства христианской новозаветной морали над ветхозаветной, «благодати» над «законом», равенства всех народов на земле, любви, сострадания и гордости за свое отечество, сознания единства не только своей страны, но и всего человечества.

Характерно в этом отношении одно из ранних литературных произведений древней Руси – «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона (XI век). Широко распространенным в средние века теориям богоизбранничества одного народа в «Слове» противопоставлена идея равноправности народов: все народы равны в своем общении с Богом. Христианство как вода морская покрыло всю землю, ни один народ не может претендовать на свои преимущества в делах религии. Всемирную историю автор представляет как постепенное распространение христианства по земле, приобщение к нему всех народов мира, в том числе и русского. Наоборот, последнему, как недавно приобщенному к христианству, следует отдать предпочтение; это обосновывалось евангельским изречением о том, что не вливают вина нового в мехи ветхие (старые), для нового вина – христианского учения – нужны новые мехи – новые (языческие) народы, к числу которых принадлежит и народ русский. Конечно, при желании и здесь уже

можно увидеть попытку выделить русский народ среди других и заложить основу последующей известной концепции «Москва – третий Рим», но вряд ли эту задачу ставил перед собой автор «Слова».

Несомненно, что Иларион стоит на прочной патриотической позиции, восхваляет и гордится Владимиром, крестившим Русь и тем самым приобщившим русский народ к мировой религии. Д.С. Лихачёв заметил, что «всё “Слово” Илариона от начала до конца представляет собой стойкое и органическое развитие единой патриотической мысли. И замечательно, что эта патриотическая мысль Илариона отнюдь не отличается национальной ограниченностью. Иларион все время подчеркивает, что русский народ только часть человечества» [3].

Тот же подход отличал древнерусских авторов исторических сочинений: «Исторических сочинений великое множество. Но одна их особенность изумляет: говоря о событиях истории, древнерусский книжник никогда не забывает о движении истории в ее мировых масштабах. Либо повесть начинается с упоминания о главных мировых событиях (сотворении мира, всемирном потопе, вавилонском столпотворении и воплощении Христа), либо повесть непосредственно включается в мировую историю: в какой-нибудь из больших сводов по всемирной истории»[4].

На наш взгляд, ещё более интересно «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Многочисленные исследователи его произведения отмечали, что, несмотря на все искушения и прямое требование отречься от христианства под угрозой лишения жизни, тверской купец через многолетние испытания пронес в себе верность православию и своей родине. При этом почти не обращалось внимания на заключительные строки его записок, которые являются весьма примечательными. В комментариях к одному из изданий хождения говорится: «иноязычные фразы и выражения написаны, по выводам лингвистов, на смеси лексики и грамматических форм различных языков – тюркских, персидских, арабских и отчасти хинди. Тексты, написанные не на русском языке,

в комментарии не объяснены, они даны в параллельном переводе» [5].

Перевод же этот между прочими словами и выражениями содержал такие: «Бог велик! (известное «Олло акбер!») Боже благий, господи благий, Иисус дух божий! Мир тебе! Бог велик; нет бога, кроме Аллаха, творца». Не означают ли эти слова то, что под конец своего путешествия Никитин всё-таки стал мусульманином? Ведь восклицал же он в отчаянии, когда смешались у него в голове дни, недели, месяцы: «И я позабыл всю веру христианскую и праздники христианские: ни Великого дня, ни Рождества Христова не знаю». В Индии, отмечая силу одного мусульманского правителя, он записывал: «Мухаммедова вера ещё годится. А правую веру бог ведает, а правая вера – бога единого знать, имя его в чистоте призывать во всяком чистейшем месте» [6]. Таким образом, можно предположить, что купец-путешественник не одну веру сменил на другую, а достиг вершины в осознании единого божества, всемирного, всечеловеческого единства.

О том, что А. Никитин был не первым (и не единственным), высказывавшим подобные мысли, говорят другие примеры. Ещё в XI веке основатель Киево-Печерского монастыря Феодосий писал: «Аще видиши нага, или голодна, или зимою или бедою одержима, ещё ли будет жидовин, или сарацин, или болгарин, или еретик, или латинянин, или ото всех поганых (язычников), – всякого помилуй и от беда избави яко же можеш». С противоположной стороны, но часто к той же цели вели многочисленные апокрифы.

В XVI и XVII веках появляются два историко-публицистических произведения, которые, если бы они получили широкое распространение, могли бы принести в сознание русского народа, или, по крайней мере, его грамотной части, элементы критического отношения к русскому государству и самодержавной власти. Это «История о великом князе московском» Андрея Курбского и «О России в царствование Алексея Михайловича» Григория Котошихина. Оба сочинения создавались за границей и

были недоступны русскому читателю. Многие другие произведения Древней Руси стали общим достоянием тоже только столетия спустя. Поэтому сколько-нибудь действительного влияния на формирование общественного мнения в стране и на обучение поколений людей древнерусская литература оказать не могла.

Рассматриваемый период генезиса и развития древнерусской народности и государственности в целом характеризуется постепенным свёртыванием первобытной демократии в форме веча, причём этот процесс в основе своей был естественным явлением. В.И. Сергеевич указывал на три главные причины заката вечевой эпохи: 1) татаро-монгольское иго («Татары не отменили веча; но как скоро центр государственной жизни переместился в Орду, исчезли поводы, призывавшие граждан к участию в общественных делах. С другой стороны, городам, которые подвергались почти периодическим разорениям, было не до рассуждений об общественных делах»); 2) изменилось отношение служилых людей к князю; 3) объединение русских земель (городов) в одно государство сделало проведение вечевых (городских) собраний излишними [7]. Хотя последние вече (в Новгороде и Пскове) были ликвидированы непосредственно княжеской властью.

Русская государственность в своем своеобразном развитии представляла чрезвычайно неоднозначное явление, возникнув из двух центров – Ладоги-Новгорода и Киева. Древнерусское государство прошло в целом такой же путь, как европейские государства – от раздробленности к абсолютизму, но оно имело и отличительные черты: невозможный в Европе территориальный рост, приоритет военно-политической составляющей над экономической и социальной, долгое сохранение патриархальных элементов в государственных структурах, заимствование некоторых государственных компонентов (в частности, из Византии), замедленное формирование российского общества как такового. Само христианство, пришедшее на Русь, носило двойственный характер. Оно, несомненно, двинуло нашу страну

вперед в культурном отношении, но отличалось от христианства большинства европейских стран, православие и католичество на протяжении всего своего существования (до сих пор) относились друг к другу подозрительно, ревниво и неприязненно. Русская государственность могла помочь стране выстоять в военные годы, не дать умереть от голода своим подданным. Но в то же время она часто тормозила развитие общества и превращение его в самостоятельное социальное целое; даже проводя политику протекционизма, поощряя рост промышленности, государство в лице своего чиновничества могло обеспечить лишь неполноценное, а иногда и уродливое существование отечественных производителей и предпринимателей; в политическом отношении государство хотело иметь послушных воле правительства, не задающих лишние вопросы, не занимавшихся «вольнодумством» подданных. Власть князя, а ещё больше царя московского государства напоминала власть правителей восточных деспотий, представлявших собой расширенную форму патриархального правления.

С известными оговорками можно согласиться с Р. Пайпсом, который вслед за М. Вебером назвал режим, сложившийся на Руси в XII–XVII веках, «вотчинным строем», исходя из того, что «собственность в средневековой России обозначалась термином «вотчина»: «Деспот ущемляет право собственности своих подданных; вотчинный правитель просто-напросто вообще не признает за ними этого права» [8]. Известно, как называли себя даже самые именитые люди, обращаясь к царю: «Ивашка», «Степашка», «Алексашка», а за провинности их «били батошьем» [9]. Первые русские князья (есть примеры об Игоре, Святославе, Владимире) постоянно «держали совет» с дружинниками, были, по сути дела, «первыми среди равных». Со временем укрепилась их личная позиция и власть, Дума («Боярская дума») состояла уже не из всех дружинников и стала не советовать, а скорее всего утверждать (в значительной степени формально) решения князя (царя). Если у отдельных исследователей (В. О. Ключевский) ещё можно найти высокую оценку Думы, которую они считали чуть ли

не правительством, то Земские Соборы (1549–1653), по мнению ученых, собирались лишь для одобрения царских решений. Что Дума или Собор принимали участие в обсуждении тех или иных вопросов, говорило только то, что на многих царских указах стояло: «царь указал, а бояре приговорили». Таким образом, практическая социально-политическая жизнь, взятая в таких ее учреждениях, как вече, Дума и Соборы, давала чрезвычайно мало возможностей для формирования общественного сознания и развития общественной самодеятельности населения Древней Руси. Соответственно этому элементы общественности могли попасть в педагогическую теорию и практику того времени лишь случайно, через уникальных «мастеров грамоты».

Ещё одним фактором, оказавшим сильнейшее влияние на формирование российского общества, является институт крепостного права. В контексте рассматриваемых проблем следует отметить одну сторону этого явления, на которую, как правило, особого внимания не обращают. Дело в том, что крепостное право вводилось сверху государством, чтобы от переходов крестьян от помещика к помещику не уменьшился приток податей в казну. От отмены переходов землевладельцы могли выиграть, а могли и проиграть, А.С. Пушкин в «Борисе Годунове» вложил в уста князя Шуйского такие слова:

Вот Юрьев день задумал уничтожить.

Не властны мы в поместьях своих,

Не смей согнать ленивца!

Рад не рад, корми его! Не смей переманить

Работника!

Изучавший русское крестьянство И. Д. Беляев писал о введении 5-летнего срока сыска беглых крестьян (1597 г.) и окончательной отмене Юрьева дня (1601 г.): «Новый порядок пока нравился только одной казне, которая при нем находила более средств собирать бездоимочно подати; землевладельцы старались обойти его и вообще тяготились им; и это продолжалось не год, не два, а более ста лет» [10]. То есть создавалось положение, когда

окончательное утверждение на Руси крепостного права (как и его отмена) «ударило одним концом по барину, другим – по мужику». Не только крестьяне, но и помещики, как и все остальные сословия, «прикреплялись к государству».

Наконец, исторический экскурс позволяет увидеть, что лежало в основе той розни, которая наблюдалась, да, наверное, наблюдается и в настоящее время, в российском обществе. Наиболее ярко эту проблему высветила дискуссия между неославянофилами и западниками. Первые обвинили в появлении розни между «командующими классами» и «народом» интеллигенцию, образованные слои населения, тяготеющие к западному образу мышления, западным ценностям и образу жизни. Начало этой розни, считали они, положил Пётр I, прорубивший пресловутое окно в Европу. С этого времени Россия сошла со своего истинного пути, стала плестись в хвосте «гнилого Запада», жить отраженным светом, перенимать и заимствовать без всякого разбора у западных стран. А народ русский был против всяческих нововведений, которые были ему чужды, и не нужны были никакие «лифформы».

Отвечая на эти обвинения, историк И. И. Дитятин отмечал, что, начиная с первых русских князей, Рюрика и его дружинников, в обществе появляются «командующие классы», которые руководствуются прежде всего личными выгодами, ведут себя на Руси как в завоеванной стране, налагают непосильные подати, нисколько не считаясь с интересами простого народа. Ранние русские летописи полны описаний лихоимства, злоупотреблений князей и дружинников. Между князьями и боярами (старшими дружинниками) тоже не было согласия: князья ссорятся между собой из-за наследства, земель и владений; приглашают даже исконных врагов русского народа – кочевников для совместных действий против своих противников, от чего самые большие жертвы несли простолюдины. «Командующий класс» неоднороден – там тоже есть «лучшие, средние и младшие». Поэтому говорить о единстве и отсутствии противоречий в древнерусском обществе нельзя.

С появлением на Руси христианства возникает духовная рознь в русском обществе. В отличие от единичных просвещённых его представителей, видящих в языческом русском народе «новый мех для нового учения», народ воспринял новую религию враждебно: «массы долго оставались при своём языческом миросозерцании и первобытном умственном развитии. Весь период нашей древней истории можно назвать периодом борьбы представителей нового, чуждого массам мировоззрения с убеждениями этих масс» [11].

«Простой» народ тоже был неоднороден. Рано выделившееся торгово-промышленное, посадское население противостояло сельскому населению, занимая промежуточное положение между последним и князем и дружинниками, что всего ярче проявлялось в вечевых столкновениях, особенно в Новгороде.

Татаро-монгольское иго и складывание единого централизованного русского государства привело к тому, что, как образно заметил Н. И. Костомаров, «образовалось государство с единоподержавным главой, состоявшее из холопов, сирот и богомольцев». Единение Руси дорого стоило большинству ее населения, наложило неизгладимый отпечаток на русский народ; даже такой страстный адепт единения Руси под эгидой Москвы, как И. Е. Забелин, вынужден был заметить: «Развитие сильной и даже тиранической царской власти, каковой она явилась у нас с первой половины XVI в., сопровождалась своего рода бедствиями, каких не знала Древняя Русь. Необузданное самовластие, как прежде необузданные усобицы князей, положило свои краски на народный характер, печальные краски угнетения и раболепия» [12].

Теперь, казалось, придет конец «крамолам, изменам и кровавым переворотам». Но не тут-то было. Назовём только самое выдающееся событие – Смутное время, крупнейший социально-политический кризис конца XVI – начала XVII века, поставивший русское государство на грань выживания, причём тот же Костомаров считал, что в появлении Смуты повинны все классы русского общества, без исключения.

XVII век открыл эпоху крупнейших социально-политических конфликтов в истории России: восстание под предводительством И. Болотникова, выступления в Москве, Сольвычегодске, Устюге, Новгороде и Пскове против хищников-мздоимцев из царского окружения (Морозовых, Милославских, Плещеева), знаменитый «медный бунт» 1662 г., бунт-восстание под предводительством С. Разина и др. XVIII век – не только век «просвещённого абсолютизма», но век окончательного закрепощения российского населения, восстания под предводительством Е. Пугачёва, попытки сформулировать идеологию оппозиционного движения (Н.И. Новиков, А.Н. Радищев), продолжающихся раздоров в высших кругах общества – дворцовых переворотов. XIX век начинается убийством императора Павла I, продолжился восстанием декабристов, бунтами военных поселян, «холерными бунтами», расколом интеллектуальной элиты России на «славянофилов» и «западников», «народников» и охранителей существующего порядка, заканчивался он появлением террора, массовыми выступлениями рабочих, нелегальной работой их идеологов и возникновением первой политической партии, РСДРП, провозвестницы конца старого мира. XX век в истории России – век потрясений, многократно превысивших Смутное время: революции, свержение самодержавия, гражданская война, три волны русской эмиграции, коллективизация, массовые репрессии, развал Советского Союза, раскол населения по идеологическому, социальному, этническому и религиозным признакам. Наследником минувшего является и наш век.

Разумеется, в то же самое время происходило расширение Российского государства, росло его значение в мировых делах, увеличивался вклад в культуру всего человечества; преодолевая многие трудности, развивалась российская экономика, имея, как и само российское общество, своеобразный, зачастую непонятный другим характер. Но цена этого спорадического, неравномерного движения вперед была очень велика, осознание чего придет значительно позднее. Каждый переломный период в отечественной

истории приводил к более или менее обоснованной оценке правления предыдущей эпохи, в первую очередь отмечая его недостатки, но, поскольку любое правление боготворило государство, чрезвычайно редко делался безотрадный вывод: русские чиновные люди всегда охотно использовали свои права и полномочия, но очень редко вспоминали свою ответственность перед обществом и людьми, на службе которых они, по сути дела, должны были находиться.

Библиографический список

1. Каптерев П. Ф. История русской педагогики. СПб., б. г. С. 9.
2. Стоглав. СПб., 1863. Гл. 26. Ответ соборной о училищах книжных по всем градом.
3. Лихачёв Д. С. Великое наследие. Классические произведения древней Руси. М., 1979. С. 38–39.
4. Там же. С. 14.
5. Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472. М., 1980. С. 204.
6. Там же. С. 102, 117.
7. Сергеевич В. И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867. С. 20–21.
8. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 39.
9. Колюпанов Н. Очерк внутреннего управления в России // Русская мысль. 1882. № 1. С. 292.
10. Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. М., 1903. С. 97.
11. Дитятин И. И. Когда и почему возникла рознь в России между «командующими классами» и «народом» // Русская мысль. 1881. № 1. С. 325.
12. Забелин И. Е. Взгляд на развитие московского единодержавия // Русская мысль. 1881. № 2. С. 781.

**Наука, философия и религия
(неразрешимые вопросы и нескончаемые споры)**

Отношения между формами общественного сознания всегда имеют конкретно историческую обусловленность, зависят от общественного бытия. Кроме того, есть закономерности общественной психологии и идеологии – в частности, притягательность новых (точнее, ранее неизвестных) идей и соответствующих мироощущений и мировосприятий – с одной стороны, и идеологическое пресыщение, уставание – с другой. Так и в нашей стране за приливом религиозных настроений, вызванных ослаблением позиций материалистической догматики, наступило время отлива: неофитский радикализм закономерно сменился «контрреформацией». Последняя выставила из стен учебных заведений, за что ей честь и хвала, вредоносные сектантские организации, вроде пресловутых мунистов, хаббардистов и т.п. Постепенно сошли на нет визиты миссионеров-протестантов, и это, думается, также благо в перспективе духовной самоидентификации нашего народа. Представляется, что «пограничная ситуация» запустила процесс самооздоровления общественного организма России. Есть основания для надежды на выздоровление, но разочарования и тревоги по-прежнему преобладают. Тревожит, в частности, что после кратковременного затишья опять «проснулся» и некоторыми радетелями «чистой науки» даже развернут в плоскость практических выводов вопрос о возможности мирного сосуществовании религии и науки. Вновь в научной среде с «запасного пути» востребована атеистическая, мало чем отличающаяся от догматическо-марксистской, аргументация, должная, якобы, отделить «опиум» от трезвого знания. Вовсе не хочется возвращаться к бесплодному спору, не разрешимому и при втором пришествии (у одного из философов есть шутивное замечание о том, что материалисты не откажутся от своих убеждений и при втором пришествии Христа, так как

последнее вполне впишется в их понимание материи; тем более странной, если вспомнить пари Паскаля, была бы капитуляция идеалистов), однако, видимо, прописные истины требуют напоминания, а убеждения - постоянного отстаивания.

Начнём с того, что наука и религия (здесь и впоследствии мы под религией будем иметь в виду христианство; подобное сужение темы обусловлено целым рядом соображений, в частности, существенными идейными различиями между религиями) должны рассматриваться в качестве двух далеко не похожих друг на друга культурных феноменов, различающихся прежде всего по существу, как, например, различаются та же наука и, допустим, спорт или искусство. Спрашивается: занятия спортом или искусством могут помешать научным изысканиям? Конечно, могут, если станут подменять их. Однако можно ли утверждать, что названные виды деятельности в принципе не совместимы? Никто таких заключений не делает, как раз напротив, большинство нормальных людей придерживается мнения, что спорт и искусство могут стимулировать научную деятельность. Когда же речь заходит о религии и науке, вдруг обнаруживаются непреодолимые противоречия между ними и преграды для их взаимодополнительности! Вспомним «теорию двойственной истины», согласно которой у науки и религии различные предметы и методы: богословие (как часть религии) изучает Бога, а наука – природу; первая опирается на сверхъестественное откровение, на авторитет Священного писания и Церкви, а вторая - на соответствие эмпирии. Надуманная в целом проблема взаимопоглощаемости науки и религии выросла из недоразумения 1) тех, кто разделяет эти виды идеологий, на основе чего противопоставляет их друг другу, 2) тех, кто отождествляет их и подменяет. Вторых ничтожно мало. Светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях признается всеми: и атеистами, и верующими. Подавляющее большинство образованных религиозных людей вполне разделяют точку зрения М.В. Ломоносова о

недопустимости стеснения одной сферы другой. Великий русский ученый писал: «Неверно рассуждает математик, если хочет циркулем измерить Божью волю, но неправ и богослов, если он думает, что на Псалтыре можно научиться астрономии или химии» [2. С.104]. Таким образом, насколько известно автору, преподаватели школ, техникумов, вузов из числа верующих людей закон об образовании не нарушают, никакой миссионерской и проповеднической деятельностью на занятиях не занимаются и руководствуются простым правилом – «надо быть христианином, оставаясь в том звании, в каком призван» - есть специально подготовленные церковью люди, имеющие необходимый багаж знаний и, что очень важно для верующего человека, – благословение на религиозную деятельность, они-то ею непосредственно и занимаются (в местах и при обстоятельствах, где и когда это уместно и законом не запрещено). Если преподаватели-атеисты требуют не допускать подмен, то ведь и церковь с этим вполне согласна – здесь нет предмета для дискуссий, для несогласия. Но вряд ли возможно согласиться с тем, что разграничение науки и религии возможно произвести, так сказать, «персоналистически», сделав науку прерогативой атеистов. Какие основания подводятся под «очистительные меры»? - Надо сказать, никаких новых идей не появилось, налицо все та же безосновная идеологема, согласно которой атеизм соответствует и помогает развитию научного мировоззрения, а личная религиозность преподавателя, ученого идеологически, методологически препятствует его продуктивной работе на данном поприще. В аргументации поборников «истинного прогресса и просвещения» слышатся отзвуки идей передового мировоззрения двух-трехвековой давности. Вспомним красивую и исторически прогрессивную фразеологию – Дени Дидро писал: «Религия мешает людям видеть, потому что она под страхом вечных наказаний запрещает им смотреть»[7. С.445] или «Только честному человеку подобает быть атеистом» [Там же]. Клод-Адриан Гельвеций утверждал: «Между религией и добродетелью нет ничего общего» [7. С.455]. Поль Анри Гольбах знакомил

общественность со своими умозаключениями. «Все религии, какие мы только видим на земле, - писал он, - дают нам лишь клубок вымыслов и бредней, возмущающих ум»[7. С.458]. Эти достаточно характерные суждения просветителей могут быть сведены в принципе к двум персонажам: обманщику и невежде. В качестве опровержения достаточно мысленно представить патерик выдающихся «обманщиков» – Сергей Радонежский, Франциск Ассизский, Серафим Саровский, и галерею «обманутых простаков» – Декарта, Ф. Бэкона, Кеплера, И.П. Павлова, Достоевского. Линию просветительства на преодоление заблуждений наследовал классический позитивизм. Пафос ограниченно-феноменалистической научности логически предполагал в религии интеллектуальное младенчество человечества. Впрочем, позитивизм оставлял место Богу в ноуменальной сфере, он лишь изгонял Его из позитивистской науки – позитивисты учили, что наука должна отвечать на вопрос «как?», а не на вопрос «почему?». Если согласиться с такой «здравомыслящей» трактовкой науки, то следует подтвердить, что в феноменальной сфере социального и физического опыта непосредственно что-либо сверхъестественное (в форме естественного) пока не обнаружено. Марксизм вслед за позитивизмом расценил религию как социально-экономический архаизм и предрек угасание религиозных настроений по мере прогресса общества. Вычленив общее в атеистических упованиях просветителей, позитивистов и марксистов возможно в такой формулировке – «общая рационализация объективно будет выталкивать все иррациональное на периферию общественного сознания». С подобными прогнозами (имея в виду не суть, а эсхатологический результат) должны согласиться и христиане. Но вот с чем не могут согласиться образованные верующие, так это с тем, что сама наука в своих основаниях и выводах антирелигиозна. Вероятно, отчасти справедливо, что в своей научной повседневности (в наблюдениях, экспериментах, всякого рода измерениях), то есть в силу характера деятельности, ученые

остаются как бы стихийными материалистами. «Учёный-естествоиспытатель, работающий в нормальной (в смысле Т. Куна) науке, не интересуясь проблемами обоснования начал науки, тем самым отстраняется и от религии в той мере, в какой она, подобно философии, включается в обоснование генезиса естествознания» [6. С.75.], - пишет Л.А. Маркова, и с ней нельзя не согласиться. Однако подчеркнем, что стихийный материализм – это не осознанная установка в период нормальной науки, а смена парадигм, научные революции содействуют расширению сознания. Такого рода научный стихийный материализм поддерживается здравым смыслом повседневности, если же он обратится к своим истокам, то выйдет к бессосновности науки, к пространству веры. Биографии целого ряда мыслителей эксплицируют интересную закономерность их (и многих ищущих людей вообще) духовного развития: в их жизни наивная детская вера сменялась отрицанием, на смену которому постепенно приходила осмысленная вера. Возможно, атеизм «серединного царства» познания, периодов «нормальной науки» той же самой природы, что и подростковый нигилизм, и его следует понимать вслед за Н.А. Бердяевым в качестве диалектического момента богопознания? На заре становления науки, предвидя её силу и искушения, Ф.Бэкон напутствовал ученых словами о том, что поверхностная философия склоняет ум человека к безбожию, глубины же философии обращают умы людей к религии. Собственно, эту же мысль через четыре столетия повторил один из создателей квантовой механики, немецкий физик Вернер Гейзенберг. Он писал: «Первый глоток из сосуда естествознания порождает атеизм, но на дне сосуда нас ожидает Бог» [Цит. по 4. С.144]. Развитие науки, надо сказать, не привело, как это предполагали атеисты, к якобы внутренне необходимой её секуляризации. Напротив, современные естествознание и математика рядом своих открытий (модель нестационарной Вселенной, предполагающая определенные константы и антропный принцип; невозможность преодоления неопределенности, оставляющая место тайне в самом существе

реальности; теорема Курта Гёделя, отрицающая возможность полного «описания с помощью конечного числа аксиом даже такого простого объекта, как натуральный ряд»[4. С.144], как бы подтверждают принципиальную интеллектуальную неразрешимость «основного вопроса». Если вопрос неразрешим, то, следуя основному правилу науки, разумнее, как представляется, было бы оставаться на позиции взвешенного скептицизма – пробаблизма. Напомним, что пробаблисты исходят из того, что из двух противоположных суждений одно все же представляется более правдоподобным, чем другое. В силу стихийного материализма «нормальной» науки возможно, что основная масса «рядовых» её представителей, занимая определенное место в производстве научных знаний, считают демокритовское положение «есть только атомы и пустота между ними» более правдоподобным, чем, допустим, библейское повествование о сотворении мира. Однако, в принципе, деятельности ученого не может помешать, если он станет рассматривать науку в качестве способности человека к познанию мира, созданного Богом. Религия или атеизм, лежащие в основе мировоззрения ученого, равноосновательно определяют успешность его научных изысканий. Никаких идейных, тем более нормативных противопоказаний ни для атеистов, ни для верующих в отношении научной деятельности нет. В Конституции РФ (в 28 статье) закреплено право каждого гражданина на свободу совести – «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедования, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свобода выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»[3]. Принцип «Каждый волен писать и говорить всё, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз... волен также прогнать таких членов»[5. С.102] является более слабым в идейно-правовом поле. Возможна, в принципе, ситуация, что какому-нибудь выдающемуся ученому в возглавляемой им, допустим,

физической лаборатории захочется провести очистку рядов от религиозных диссидентов – тогда следует напомнить ему, что в государстве, стремящемся быть правовым (а следовательно, признающим приоритет прав личности над правами корпорации), необходимо руководствоваться духом и буквой закона.

Итак, даже в естественных науках, с их органичной тягой к материальному началу, личная религиозность ученого вполне законна (и в научном, и в правовом смысле), тем более, что принцип свободы совести применим как основополагающий к философской деятельности. Философию отличает от науки отсутствие тех признаков, которые в последней детерминируют саму возможность секулярных предпочтений, а именно: определенности предмета и языка, эмпирического уровня знания, математического аппарата, проверяемости, общезначимой проблематики. Метафизика размышляет о пределах бытия: основаниях и итогах физического и духовного миров – практика здесь не является критерием истины. Философия есть первый переводчик - она переводит собственный язык бытия на язык человеческого понимания, при этом надеется, что её понимание есть «образ и подобие» истины. Она всегда рационалистична, даже когда называет себя иррационализмом. Имея в виду специфику философской деятельности, её «наведенный положительный заряд» (отсутствие того, что делает науку стихийно материалистичной), мы смеем предположить, что изначально, по природе своей, философия имеет наклонение к идеализму. «Линия Платона» просматривается и в изначальном вопрошании к бытию, и в постоянной интенции запредельности, и в позиционировании себя по отношению к науке. Согласимся и с тем, что и в качестве завершающего аккорда философской рационализации (а в сущности, антропоморфизации) сущего было бы уместным утверждение всеислия разума (итогового или изначального – все едино, так как всеислие – это и власть над временем, стирание времени). Дом по самому смыслу своему должен быть обитаем – это разумно, аналогично – в постигаемом бытии (если исходить из принципиальной постигаемости его разумом) бал должен

править разум - таковым представляется правомерное философское долженствование. Однако отметим, что не следует всецело доверяться последовательному рационализму – иррациональная свобода (коренящаяся в ничто по Бердяеву), предлагает человеку самому достраивать незавершенную реальность, тем самым уравнивает обоснованность (или необоснованность) атеистического и религиозного мировоззрения. И коли уж выше упомянули бал разума, закончим статью в духе современного мышления, предполагающего диалогичность, толерантность, плюрализм - повторим в завершающем обращении к предполагаемому уважаемому оппоненту достаточно известные слова «...ваша теория и солидна, и остроумна. Впрочем, ведь все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере» [1. С.304].

Библиографический список

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М., 2004.
2. Зеньковский В.В. История русской философии. Т1. Ч1. Л., 1991.
3. Конституция Российской Федерации.
4. Кулаков Ю.И. Синтез науки и религии // Вопросы философии. 1999. №2. С.142 – 153.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.12. М., 1960.
6. Маркова Л.А. О возможности соотношения науки и религии. Вопросы философии. 1997. №11. С. 73 – 89.
7. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. М., 2002.

Этика христианства в «Легенде о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» В.В. Розанова

«Братья Карамазовы» - один из самых загадочных и философских романов Ф.М. Достоевского. Наиболее интересным моментом романа является «Легенда о Великом инквизиторе». Именно ей посвятил статью В.В. Розанов, известный не только своими экстравагантными взглядами и поступками вполне в духе культуры рубежа XIX–XX веков, но и глубокими, оригинальными критическими статьями, посвященными искусству и литературе. Розанов - критик и литературовед не менее замечателен, чем Розанов – философ и писатель.

«Легенда» Ф.М. Достоевского глубока и многогранна. Она – ключ к пониманию романа и творчества писателя. Она может быть воспринимаема не только как часть романа, но и как вполне самостоятельное произведение, обладающее своим собственным сюжетом и философскими отступлениями. «Легенда о Великом инквизиторе» не случайно привлекла внимание В.В. Розанова. В ней поднят вопрос веры и неверия, личного подвига и искушений. Все это волновало философа и в его собственно философских размышлениях. При прочтении критической статьи о «Легенде» возникает чувство, будто В.В. Розанов с живейшим вниманием следит за происходящим в произведении действием, сам принимая живейшее участие во всех перипетиях движущейся мысли. Из множества пластов смыслов «Легенды» он наибольшее внимание уделил смыслу человеческой истории и христианской этике. Именно эта последняя проблема и будет нас интересовать в данной статье.

По мнению философа, основная мысль романа Ф.М. Достоевского - «таинственное зарождение новой жизни среди умирающей»[1]. К разлагающейся жизни философ относит старика Карамазова, Ивана и Смердякова, нарушивших все возможные нравственные и христианские этические нормы. К

возрождающимся персонажам относится Дмитрий, которому предпослано на каторге избыть не свой грех и, перестрадав, очиститься для новой жизни: «в тысяче мук – я есмь, в корче мучусь – но есмь». Единственной целостной личностью, однако лишь схематично очерченной, по мнению философа, оказывается Алешенька. Он уподобляется ивановскому Христу, только еще намеченному и готовящемуся проявить себя в мире, приняв подвиг.

«Мы сказали, что в «Братьях Карамазовых» великий аналитик человеческой души представил нам возрождение новой жизни из умирающей старой... Падение, смерть, разложение – это только залог новой и лучшей жизни. Так должны мы смотреть на историю; к этому взгляду должны приучаться, смотря и на элементы разложения в окружающей нас жизни: он один может нас спасти от отчаяния и исполнить самой крепкой веры, когда уже настает, кажется, конец для всякой веры» [2]. Кульминационным местом романа стала встреча двух братьев, Алеши и Ивана, «в трактире за стеночкой» с целью обсуждения «извечного русского вопроса»: есть ли Бог, есть ли бессмертие. Здесь Ф.М. Достоевский сталкивает два мира, две противоположные точки зрения: страшное сомнение, граничащее с безверием, и чистую веру, не нуждающуюся в доказательствах. Не будет большой ошибкой сказать, что в трактире происходит столкновение двух Церквей: сложившейся католической и развивающейся православной, а также двух типов веры. Католическая, основанная на патристике и схоластике, приспособляющаяся к земному мироустройству, пытающаяся создать некий «путь спасения для многих», сталкивается с православной, основанной на исключительной вере и личном подвиге вплоть до полного самозабвения во имя любви к Богу.

Легенда представляется как встреча старика-инквизитора с Христом, как личная исповедь веры мудрого старца самому Спасителю. В ней «раскрывается движущая идея Римской церкви» [3]. По мнению В.В. Розанова, «католицизм закончен, завершен в своем внутреннем сложении, он отчетливо осознал свой смысл и

непреодолимо до нашего времени стремится провести его в жизнь, подчинить его историю; напротив, другие две Церкви чужды столь ясного о себе сознания» [4].

Инквизитор у В.В. Розанова неоднократно отождествляется с самим Злым Духом, искушавшим Христа в пустыне: «мы видим даже и не Инквизитора, перед нами стоит Злой Дух» [5]. Старик пытается предложить свой вариант спасения самому Христу, обвиняя Его в том, что человечество слишком слабо и испорчено, чтобы вместить в себя истину страшных Христовых Тайн. Путем целой системы диалектических суждений выстраивается цепь доказательств напрасности Великой Жертвы Христа и немногих тысяч Его последователей. Отвергается идея личного спасения и личной ответственности человека перед Богом. Инквизитор ставит на весы судьбы единиц, которым суждено спастись, и миллионов, которым суждены муки, спрашивая Христа, справедливо ли избирательное спасение. Основная тема забот самого Инквизитора – «спасти» всех людей, подчинив их волю себе и взяв на себя ответственность за все их поступки.

Он считает, что и он сам питался акридами в пустыне, однако отверг рай для себя ради человечества. Во всей фигуре и речи старца видна несгибаемая воля, уверенность в собственной правоте, которая поставлена выше правды крестных страданий и искупления. Речь его выглядит логичной, построенной на целой системе неопровержимых доказательств, однако забыта одна деталь. Христианство основано на соблюдении трех высочайших добродетелей, которые и делают человека христианином. Терпение, смирение и кротость – три столпа, на которых держится этика христианства. Великий инквизитор подменил их гордыней в попытке поспорить с Богом. Он не только противопоставляет себя Богу, но и становится богоборцем, тем самым следуя низвергнутому ангелу, которому тоже были даны большие, чем остальным, понимание и чистота.

Сцена прощания Иисуса с Инквизитором не случайна. Христос, выслушав все доводы старца, целует его на прощание, чем

вызывает смущение старика. В этом поцелуе выражен весь смысл христианского вероисповедания, которое не раз звучало в Евангелии. В нем призыв к чистой вере, к всепрощению и смирению перед своими мучителями. Не убий и не отомсти даже ценой собственной жизни, ибо «каким судом судите, таким и сами будете судимы».

Не случайно, резюмируя свою интерпретацию текста Ф.М. Достоевского, В.В. Розанов подчеркивает корень заблуждений Инквизитора. Неверие вопреки всему, неспособность к вере – вот главная причина и мучительная проблема и Инквизитора, и современного человечества.

Христос приносит на землю *истину*, жизнь же человека, по мнению инквизитора, подчинена *закону страдания*. Старец считает, что человек ставит перед собой задачу избавиться от страданий и насытиться, что покой без совести и тупое довольство важнее, чем стремление к истине и общение с Богом. Причем и писатель, и философ проецируют речь инквизитора на современную им ситуацию конца XIX века, когда проблемы материального плана выходят на первый план, а позитивизм пытается дать ответ на извечные вопросы, возводя на пьедестал человеческое могущество. В.В. Розанов отмечает, что «знание, кормящее, но уже не просвещающее человека, великий промен духовных даров на вещественные дары, чистой совести на сытое брюхо...» [6].

И позитивизм, и нарождавшееся нищезанятие, и декаданс – все свидетельствует о том, что мир утратил фундамент, то есть веру, которая помогала любые жизненные проявления переносить спокойно: «всякие утраты и все внешние бедствия для истинного христианина и для общества людей, живущих по-христиански, – то же, что завывание ветра для людей, сидящих в крепком, хорошо согретом и светлом доме» [7]. Этим В.В. Розанов подчеркивает, что только мир, основанный на христианской вере и этике, может существовать цельным и истинным. Все теории, несущие «добро и свет» человечеству, забывают за массой индивида и предлагают, подобно Инквизитору, широкий путь «спасения». Они отвергают личность, тем самым олицетворяя вопрос Ивана Карамазова о

слезинке ребенка. В.В. Розанов, следуя за мыслью Ф.М.Достоевского, сам подчеркивает, что и Иван Карамазов, и Инквизитор, отказывавшиеся от личного спасения ради человечества, не замечают собственной же ловушки. Они желают спасения всем, жертвуя, однако, немногими праведниками, гибнущими в муках и направляя сознание человечества по ложной дороге. Создается ощущение, что Иван и Инквизитор опровергают своей теорией себя же. Их теории основываются на гибели немногих, придерживающихся истинного пути. На той же слезинке ребенка они хотят основать новую теорию спасения, не замечая противоречия. В.В. Розанов пишет об этом следующее: «она («Легенда» - М.Е.) есть единственный в истории синтез самой пламенной жажды религиозного с совершенной неспособностью к нему» [8]. Самым главным противоречием фигуры Инквизитора является его неверие. Философ сводит главную нравственную проблему к поиску истины. «Сумрак и отчаяние здесь – сумрак неведения. «Кто я на земле? и что такое эта земля? и зачем все, что делаю я и другие?» - вот слова, которые слышатся сквозь «Легенду» В.В. Розанова.

Библиографический список

1. Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. М.: Республика, 1996. С. 41.
2. Там же. С. 47.
3. Там же. С. 70.
4. Там же. С. 70.
5. Там же. С. 96.
6. Там же. С. 76.
7. Там же. С. 101.
8. Там же. С. 103.

Провинциальное предпринимательство нэпа и современность

В годы нэпа формировалась новая модель послереволюционного развития России, новая социальная общность. Сейчас в нашей стране также продолжается становление новой социальной структуры. Как и в годы нэпа, возникли новые общественные группы, формируется предпринимательство. В настоящее время важен поиск путей взаимодействия различных слоев населения между собой и с властью. Осмысление роли предпринимателей в социально-экономическом и культурном развитии России, его статуса в различных моделях социальной структуры может прояснить неизвестность в отношении судеб современного предпринимательства и его взаимоотношений с государством. Эта неизвестность требует обращения к историческому опыту, прежде всего опыту нэпа, ради поиска социально-экономического компромисса, гражданского мира, снятия социальной напряженности.

Понятие перемен для нас характеризуется в первую очередь социальными изменениями, происходящими в процессе модернизации общества. Предпринимательство, возникшее в послереволюционной России («нэпманы»), являлось по сути классическим, доиндустриальным, в котором предприниматель был в первую очередь владельцем, хозяином, собственником, основателем дела, чаще всего мелкий одиночка, обладатель своеобразного культурно-психологического типа, а также типа хозяйственного поведения. Сейчас наряду с новой фигурой предпринимателя индустриального и постиндустриального общества, который чаще всего представляет собой наемного управленца корпорации, сохраняется и мелкое одиночное предпринимательство. Предприниматели, таким образом, представляют собой особый тип людей, всегда обладавших

высокой способностью к адаптации, которые всегда найдут свое место, займут свою нишу в любой общественной модели. Поэтому, независимо от их оценки, они являются необходимым звеном в социально-экономической и политической жизни капиталистического общества, неизбежной реальностью. Другой вопрос, в какой мере и формах это происходит. Известно, что антинэпманские меры 1920-х годов отрицательно сказывались на экономике и уровне жизни широких слоев населения. В то же время приватизация 1990-х годов, когда «командные высоты» государственной экономики были попросту разбазарены, – другая крайность, повлекшая также обнищание населения. Поэтому необходимы разумные и сбалансированные меры в отношении разных слоев предпринимательства.

Какие же слои можно выделить внутри предпринимательства, в чем их особенности? Внутренняя структура нэпманского предпринимательства, как и современного, отличалась сильной дифференциацией. Ядром нэпманов являлась ее наиболее профессиональная часть, «бывшие» (т. е. имевшие дореволюционный опыт) купцы, промышленники, трактирщики, а также приказчики, продавцы, бухгалтеры. Среди них было много крестьян, чей отхожий промысел до революции находился в сфере частного предпринимательства – для ярославских крестьян это была работа в трактирах, ресторанах и гостиницах. Эта часть нэпманов владела наиболее крупными предприятиями, их деятельность была относительно успешной благодаря имевшемуся опыту. Другая часть нэпманов, которую условно можно назвать периферией, включала людей самого разного социального происхождения, которые обратились к предпринимательской деятельности, вынужденные к этому безработицей, голодом, а также много случайных людей. Иными словами, все это были «низы» нового социалистического общества. Нынешняя средняя и крупная буржуазия возникла по большей части из «верхов» – это бывшая правящая бюрократия, трансформировавшаяся в класс «новой буржуазии». Как в

нэпманском, так и в современном предпринимательстве была относительно велика роль молодежи, что является спецификой новых социальных групп.

Нэпманы, будучи разношерстным по составу слоем, обладали высокой корпоративностью, темпы и степень организованности их были очень высокими. В течение нескольких лет в пределах Ярославской губернии возникли сильные и разветвленные в уездах организации нэпманов: торгово-промышленные и рыночные комитеты, секции частной промышленности и торговли при товарных биржах, общества взаимного кредита, Деловой клуб. Эти организации на деле противились тотальному огосударствлению, боролись за права, интересы и представительство предпринимателей в различных государственных органах, стремились к связям вне губернии, активно участвовали в съездах биржевой торговли в Москве. Периферия отчасти тянулась к этим организациям, где была возможность кредитования, иные же были настроены враждебно к своим более успешным коллегам. Однако в политическом плане нэпманы были нейтральны, они ни в коем случае не пытались вступать в политические дискуссии и уж тем более не были революционным («контрреволюционным») слоем, что считалось признаком их особого коварства. Свои интересы они отстаивали вполне легитимно, а также посредством взятки. Нынешнее предпринимательство, практикуя испытанные временем взятки, вместе с тем несравненно более политически активно, особенно олигархи, которые отстаивают свои интересы почти исключительно политическими методами.

Что действительно является общей чертой как нэпманского, так и современного предпринимательства, так это традиционно негативное отношение к нему со стороны государства и других слоев общества. Предпринимательство в России и до революции было «политически недееспособно», в годы нэпа оно было лишено избирательного права, а вместе с тем было низведено до состояния социальных парий вместе с другими категориями

«лишенцев» (лишенных гражданских прав людей). Их ненавидели за стремление к наживе, независимость и индивидуализм. Сейчас предпринимателей клянут за безразличие к судьбе России, нежелание вкладывать средства в российскую экономику. Но укоренившийся страх перед экспроприацией не единственная причина для такой установки. Нестабильность, отсутствие нормальных условий и поддержки мелкого и среднего предпринимательства и прочного законодательства, как и в годы нэпа, ведет к его деформации. Криминализация предпринимательства стала его неотъемлемой чертой в послеоктябрьский период и поныне исключительно благодаря государственной политике. База для создания теневого сектора советской экономики была заложена в годы нэпа, особенно с его свертыванием. С конца 1926 года началось наступление на нэпманов, большинство тех, кто избежал репрессий, поступили на государственную службу в сферу снабжения, сбыта, торговли.

В экономику нэпманы вписывались, а в политику – нет, испытывая социальную дискриминацию и находясь в моральной изоляции в обществе. Но вместе с тем они не только хищничали и наживались, но многие из них уверенно смотрели в будущее, стремились к нормальным отношениям с властями (спонсорство, поддержка торгового техникума и т. д.) и достигали диалога с местной властью. Нэпманы реанимировали торговлю, сферу услуг, донесли товары до деревни, частная промышленность насыщала «товарные пустыни» военного коммунизма предметами широкого повседневного потребления. Кроме того, предпринимательство было своего рода «перевалочным пунктом» миграционных процессов между городом и деревней и внутри городов, позволяя выжить многим людям в ожидании работы и пайка.

Субъективные характеристики нэпманского и современного предпринимательства в основе своей аккумулировали худшие черты, присущие этой группе, в которой часто отсутствуют необходимые традиции и этика. Но на деле нэпманы являли сопротивление установлению тоталитарного

режима, а современное предпринимательство является одной из опор общества и государства, и надо стремиться к тому, чтобы оно стало настоящей социальной основой. Как сделать позитивную роль предпринимательства более значительной для всего населения России – по-прежнему задача и ответственность государства, цель дифференцированного подхода по отношению к разным группам предпринимательства.

© *В.П. Басков, А.Н. Кузенков*

Социальный аспект формирования малого предпринимательства

Малое предпринимательство является неотъемлемой частью современного общества и в значительной степени влияет на его дальнейшее развитие. Проникновение малого бизнеса во все сферы общественной жизни позволяет определить актуальность темы исследования в трех аспектах: социологическом, социально-экономическом и социально-политическом.

В социологическом аспекте слой предпринимателей является элементом социальной структуры общества. Это основной источник формирования среднего класса, необходимого и неотъемлемого элемента социальной и политической стабильности в системе трансформации и развития всего российского общества. Предприниматели как социальный слой обладают особыми качественными характеристиками, выделяющими их в отдельную нишу социальной структуры.

Социально-экономический аспект предполагает изучение предпринимательства как части структуры экономических отношений. В настоящее время в России более четверти общего числа всех предприятий и организаций занимают предприятия малого бизнеса. Их эффективное функционирование является фактором решения таких важных задач, как формирование конкурентной среды, налогооблагаемой базы и укрепление

экономической ситуации в стране в целом. Развитие малого предпринимательства играет важную роль в обеспечении занятости населения, насыщения рынка разнообразными товарами и услугами.

В социально-политическом аспекте малый бизнес выступает как объект и субъект политического действия. Развитие предпринимательства явилось одним из результатов политического реформирования в стране. В настоящее время поддержка малого предпринимательства возведена в ранг государственной политики, имея соответствующее законодательное оформление. Президент РФ подчеркивает, что «успех страны в огромной степени зависит от успеха российского предпринимателя». На пути своего развития предпринимательство сталкивается с проблемами, которые требуют, прежде всего, государственного регулирования. От создания эффективной системы поддержки предпринимательства, нормативно-правовой базы, совершенствования системы налогообложения во многом зависит успех малого бизнеса. Как субъект политических отношений предприниматели выступают в качестве общности, имеющей определенные признаки групповой консолидации. К ним относятся ориентации на политическую и экономическую свободу, принципы демократии и либерализма. Предприниматели являются активными участниками политического действия, отстаивая свои интересы перед властью в рамках созданных организаций, объединяющих представителей малого бизнеса.

Малый бизнес играет важную роль в решении проблемы занятости населения, в том числе путем привлечения к работе квалифицированных кадров. Однако данные статистики показывают, что множество малых предприятий испытывает недостаток квалифицированных работников и вынуждено привлекать внешних совместителей. Соотношение численности постоянно работающих и численности привлеченных работников неодинаковы в каждом регионе. Оно варьируется от 1:14 (в Костромской области) до 1:7 (во Владимирской области). В

Ярославской области в некоторых отраслях число внешних совместителей и работающих по договорам в 2000 году приближалось к числу постоянно работающих.

В большинстве регионов ЦФО преобладают мельчайшие предприятия. По данным Госкомстата, в 2002 году средняя численность работников на одном малом предприятии составила в Брянской области - 11 человек; Вологодской - 11; Владимирской - 7; Ивановской - 7; Калужской - 9; Московской - 7; г. Москвы - 10; Орловской - 8; Рязанской - 10; Смоленской - 8; Тверской - 9; Тульской - 9; Ярославской - 8 человек.

В большинстве регионов количество малых предприятий на 1000 населения остается достаточно низким и не превышает, за исключением отдельных случаев, 5 человек. В то же время заметен значительный разрыв между Москвой, где количество МП на 1000 жителей приближается к общеевропейским показателям, и остальными регионами.

Наибольшее количество МП занято в сфере торговли и общественного питания, наименьшее - в сельском хозяйстве и транспорте. Лишь некоторые субъекты Федерации имеют немного отличительную специализацию. Так, в Москве наибольшее число МП находится в сфере торговли и общественного питания - 56,4%, в то время как в среднем по стране эта цифра находится в пределах 46 - 47%. В этом же субъекте наблюдается наименьший показатель МП в промышленности и строительстве (6,7% и 9,4%). При этом средние показатели по России в этих отраслях экономики 13,7% и 12,8% соответственно. И наоборот, в Вологодской области только 34,5% МП заняты в торговле и общественном питании, что более чем на 10% меньше общероссийского показателя.

Важным показателем уровня развития малого предпринимательства являются инвестиции в основной капитал. Распределение инвестиций по регионам центра России значительно дифференцировано по объему. Показательно, что в 2002 году объем инвестиций в предприятия малого бизнеса г. Москвы, составивший 9845,5 млн. рублей, более чем в три раза превысил суммарный объем

инвестиций в предприятия всех остальных регионов ЦФО.

В сельском хозяйстве традиционно низкий уровень проникновения малого бизнеса, в среднем по РФ здесь занято всего 1,8% предпринимателей. В силу указанного малое предпринимательство на селе зачастую не попадает под детальное изучение как представителей государственной власти, органов поддержки предпринимательства, так и исследователей. При рассмотрении конкретной сельскохозяйственной деятельности малых предприятий каждого региона выясняется, что лидерами в производстве продукции являются именно те субъекты, в которых, несмотря на общее количество фермерских хозяйств, средний размер каждого хозяйства больше.

Важным параметром финансово-хозяйственной деятельности малого бизнеса можно считать рентабельность их продукции, которая в среднем по ЦФО составила 4,5% на 1 июля 2001 г. Среди лидирующих по данному критерию следует выделить Тульскую (10,4%), Владимирскую (10,2%), Тверскую (9,1%) области. Наиболее низкие показатели рентабельности обнаружили в Смоленской (3,6%) и Костромской (2,0%) областях.

Очень важен социальный портрет современного предпринимателя. В качестве примера для анализа приведены эмпирические данные по предпринимателям Ярославской области. Отмечается, что уровень образования предпринимателей Ярославской области достаточно высок. 60% руководителей малых предприятий имели высшее образование, при этом 2,5% - два высших образования или ученую степень. 28,2% респондентов указали, что у них среднее специальное образование. Только у 0,5% имели неполное среднее и 4,1% - среднее образование. 22,2% сельских предпринимателей имеют высшее, 34,5% - среднее и 43,3% - среднее специальное образование

Исследуя половозрастной состав ярославских предпринимателей, также можно отметить характерные особенности. Согласно данным опроса, в 1995 году 62,9%

предпринимателей составляли мужчины и 37,1% женщины. Отмечается, что, хотя последние составляют меньшую часть предпринимателей, их количество по сравнению с аналогичными данными 1994 года увеличилось на 6,5%. В соответствии со спецификой деятельности руководителями крестьянских (фермерских) хозяйств являются в основном представители мужского пола. Их доля в Ярославской области составила 88,1%. Тем не менее, 11,9% руководителей сельских МП - женщины. Среди руководителей малых предприятий Ярославской области выделяется большинство, чей возраст составляет 30 - 40 лет (42,9%). Вторая по численности группа - предприниматели в возрасте 40 - 50 лет (33,1%). Поровну распределилось количество респондентов, чей возраст до 30 или больше 50 лет - 11,9%. Среди руководителей крестьянских (фермерских) хозяйств доля предпринимателей в возрасте 30 - 50 лет также наибольшая - 73%. Характерно присутствие большого числа предпринимателей старше 50 лет (24,2%) и очень низкое количество молодых предпринимателей, занятых в производстве сельскохозяйственной продукции (2,7%). Таким образом, мнение о том, что собственный бизнес старается открыть в основном наибольшее количество молодых людей, не подтверждается, так как основную группу предпринимателей составляют люди, возраст которых больше 30 лет.

Одной из важных характеристик современного предпринимателя является вопрос о мотивации занятий людей малым бизнесом. Согласно результатам опроса, наибольшее количество ответов респондентов получила такая характеристика, как «быть финансово независимым». Однако одновременно с этим можно сделать вывод о том, что заниматься собственным бизнесом стали люди, которые не могут найти достойного применения своим знаниям и умениям вне предпринимательской деятельности. Стремление «получать много денег» при этом также имеет очень важное значение для предпринимателей (62,7%), однако этот мотив относительно других не вышел на первое место.

Следовательно, основные мотивирующие моменты занятия предпринимательской деятельностью находятся в сфере реализации собственных требований к качеству работы. В результате анализа итогов опроса не выявлено значительных различий мотиваций предпринимателей с разным стажем работы в малом бизнесе. Более определенные различия мотивов обнаружались при дифференциации предпринимателей по возрасту.

Немаловажным аспектом социального самочувствия предпринимателей является оценка собственной материальной обеспеченности. Ни один из опрошенных предпринимателей на момент опроса не отнес себя к группе богатых людей. Большинство предпринимателей отнесли себя к категории среднеобеспеченных.

Результаты социологического опроса, проведенного аналитическим центром при губернаторе Ярославской области, позволили выявить семь типологических групп предпринимателей. При анализе связи между ответами выделились основные критерии отнесения представителей малого бизнеса к той или иной группе. Ими стали: пол респондента; участие в создании (организации) предприятия; статус на предприятии малого бизнеса (собственник, управляющий, владеющий пакетом акций, наемный управляющий). Взаимосвязи между ответами на эти вопросы обнаружили, что именно данные характеристики являются образующими группы предпринимателей.

© А.И. Василевский

**«Рынок труда» и его особенности
в пореформенной России**

Исследование отношений в сфере труда – важнейшая составная часть анализа изменений в социально – экономической сфере жизни общества на любом этапе его развития. Тем более это справедливо в эпоху кардинальных перемен, которыми характеризуются так называемые трансформационные сдвиги, то есть

переход от одной формации к другой. Это важно не только потому, что трудовые отношения сами по себе являются основополагающими в экономической системе любого общества в связи с непосредственным значением труда в жизни как общества в целом, так и каждого отдельного работника. Не менее значимо и то обстоятельство, что изменения в этой сфере воздействуют на всю совокупность связей между людьми, придавая им ту или иную качественную определенность. Это относится и к таким фундаментальным категориям, как интересы и стимулы, отношения собственности, эффективности производства, конкурентоспособности национальной экономики, особенности государственного и надгосударственного регулирования хозяйственной жизни, процессов глобализации и многим другим.

В отечественной экономической литературе 90-х годов и начала XXI века нет недостатка в работах, на том или ином уровне исследующих изменения в трудовых отношениях. Естественно, что на этом, по сути дела, начальном этапе происходит выработка единых методологических подходов к подобному анализу, а, следовательно, неизбежны некоторые просчеты, противоречия, что, соответственно, сказывается не только на качестве теоретических исследований, но и на эффективности следующих из них практических рекомендаций.

Все это в полной мере относится к анализу такого явления, как рынок труда, этот термин практически повсеместно употребляют без кавычек, имея в виду, что эта категория уже якобы адекватно отражает отношения полностью сформировавшийся рыночной экономики России. При этом большинство авторов не забывают сослаться на базовые положения марксистской теории о различиях между понятиями рабочей силы и труда, в том числе и на то, что товаром на рынке может быть только рабочая сила. Тем не менее, анализу, как правило, подлежит именно рынок труда как экономическая категория, что, как правило, объясняется предпочтениями в терминологии. Даже в тех случаях, когда

анализируются отношения, складывающиеся на «рынке рабочей силы» или «рынке трудовых ресурсов», или даже непосредственно исследуются различия в содержании понятий «труд», «рабочая сила», «трудовые ресурсы», «трудовой потенциал», «экономически активное население» [1], что, безусловно, свидетельствует о неоднородности, сложной многогранной структуре, многосторонности связей в процессе труда, их также оценивают лишь с точки зрения необходимости расширения терминологической базы [2].

Представляется, что допустимые в теоретической литературе традиционные терминологические неточности в современных условиях России становятся источником существенных просчетов в научном анализе. Когда речь идет лишь о становлении рыночных отношений, да еще в специфических никогда ранее не исследованных условиях перехода к ним от плановых во многом непосредственно общественных отношений, логичнее и более продуктивно использовать терминологию, адекватную изучаемым явлениям.

По-видимому, уместно в этой связи, хотя бы в самом общем виде, воспроизвести наиболее общие положения, характеризующие различия между понятиями труда и рабочей силы, соответственно, «рынком труда» и рынком рабочей силы, принципиально различным содержанием категории заработной платы при капитализме и социализме, как они традиционно утвердились в экономической литературе. Что касается первого из них, то, несмотря на общеизвестные особенности во многих научных школах, общие характеристики определения труда в значении «труда вообще» здесь фундаментально не изменились, начиная, наверное, с физиократов. Несомненной и выдающейся заслугой К. Маркса стало установление принципиальных различий в условиях рыночного (капиталистического) общественного устройства между рабочей силой как способностью к труду, которыми обладает живая личность человека, а также обоснование условий ее товарности и трудом как процессом потребления рабочей силы [3].

Подобное разделение имело фундаментальное не только теоретическое, но и определяющее практическое значение для нашей страны. С одной стороны, теоретически считалось доказанным, что при социализме рабочая сила не является товаром, а значит, и не имеет стоимости. Ее место занимают затраты на воспроизводство рабочей силы и всестороннее развитие личности. Следовательно, с другой стороны, и категория заработной платы должна иметь принципиально иное содержание [4]. Сохраняя внешнюю видимость «цены труда», она, как предполагалось, по сути, из превращенной формы цены и соответственно стоимости рабочей силы превратилась в долю работников в национальном доходе социалистического общества. Товарность отношений, связанных с воспроизводством их жизненного фонда, также должна была иметь новое содержание, поскольку обслуживала, как считалось, планомерные экономические связи производства и распределения социалистического продукта.

В соответствии с господствующей идеологией в СССР проводилась определенная экономическая политика, которая основывалась на принципах всеобщности и обязательности труда, в том числе и в области организации заработной платы. Не оценивая характер и результаты этой работы, считаем целесообразным подчеркнуть ее последовательное соответствие заявленным теоретическим постулатам. Это необходимо особо учитывать при анализе современных процессов перехода к рынку, которые реально формируются на базе не рыночных по сути отношений в сфере труда, укоренившихся в сознании и поведении нескольких поколений работников, особенно среднего и старшего. Поэтому любые попытки объяснить нынешнее положение в этой сфере как результат собственно рыночных преобразований будут по меньшей мере далеко не полными.

Уже приходилось подчеркивать, что сам переход к рынку в России по темпам и в тех формах, которые использовались в 90-х годах, был мало продуктивен для решения главной задачи – повышения эффективности производства на основе частной

собственности, формирования мотивации труда под определяющим влиянием вознаграждений, свободы выбора поведения в этой сфере. Ссылаясь на исследования НИИ труда и другие источники, в конце 80-х - начале 90-х годов утверждавшие, что подавляющее большинство работников в промышленности СССР фактически люмпенизировались и неспособно к адекватному поведению под влиянием рыночных стимулов и мотивов, мы указывали, что любые преобразования в сфере труда должны были соответствовать реальным условиям российской действительности, где господствует принципиально иная «экономическая» проекция массового сознания или, по словам Э. Фромма, задействованы иные поведенческие ориентиры [5].

В этих условиях само по себе экономическое принуждение к труду на базе его реального отчуждения от собственности и формирования армии наемных работников в результате приватизации (именно в этом, собственно, и состоял по «гамбургскому счету» механизм перехода к рынку, приведенный в действие реформами 90-х годов) не может обеспечить те результаты, на которые рассчитывали реформаторы, опираясь на опыт других стран, где субъекты хозяйствования в своем большинстве стремятся к созидательной продуктивной деятельности, а рыночные условия могут и должны их к этому побудить в наибольшей степени. «Рыночные» же лекарства лечения экономики России (по темпам и в применявшихся формах) должны были оказаться и оказались малоэффективными по причине несовместимости их с диагнозом болезни.

Практически все анализы конкретной ситуации с рабочей силой, если полагать *a priori* ее товарность в современных условиях, свидетельствуют, что в пореформенной России она не отвечает в большинстве своем основным требованиям рынка. Даже имея высокие профессиональные качества, рабочие и специалисты не приучены трудиться с высокой эффективностью, не способны к большим и длительным нагрузкам. В СССР по соображениям, указанным выше, не могла воспитываться и не

воспитывалась идеология необходимости жить в напряженном ритме, чтобы побеждать в конкурентной борьбе за выгодное рабочее место.

Большую роль здесь играло и играет исторически сложившееся в нашей стране отрицательное отношение подавляющей части населения к частной собственности, в том числе, естественно, и к «работе на хозяина», требующей напряженной деятельности в течение всего рабочего дня при недостаточной, с точки зрения работника, ее оплате. Поэтому, несмотря на весьма ощутимые в ряде случаев преимущества в образовании и профессиональной подготовке, как отмечает, например, И.С. Маслова, «российские специалисты нередко проигрывают по критерию интенсивности труда и отношению к должностным обязанностям, ответственности и дисциплинированности».

Нельзя не согласиться и со следующим ее выводом о том, что «сохранению этой ситуации способствуют практика предельно низкой цены труда, иждивенческие представления об ответственности государства за предоставление каждому рабочего места в соответствии с приобретенной специальностью..., препятствующие росту заинтересованности работников в повышении отдачи личного потенциала и напряженном труде» [6]. К этому можно было бы добавить еще ряд не менее важных факторов, утяжеляющих ситуацию в целом.

Среди них (хотя бы просто перечислим) следующие, по нашему мнению, наиболее значимые. Это крайне неэффективная система социальной защиты, действующая в стране; быстрое и весьма существенное увеличение доли населения, находящегося за «чертой бедности», что очень условно можно характеризовать как долю населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума; сохранение элементов административного принуждения к труду; необычайно быстро усиливающееся так называемое технологическое принуждение к труду, особенно в крайне типичных для России условиях

«монозаводских» городов, поскольку формирование необычного для СССР и действительно быстро сложившегося рынка жилья сделало невозможным смену места проживания; кризис в производственной сфере, способствовавший значительному ухудшению условий труда; несоответствие сложившейся к концу 80-х годов профессионально - квалификационной структуры занятых в народном хозяйстве или предложению рабочей силы реальной структуре спроса на нее в переходный период и др.

В условиях необычайно быстрого перехода к рынку большинство советских людей оказались не готовы адаптироваться к новым требованиям частных работодателей, поскольку понимание трудовой этики, другие ценностные ориентиры поведения на работе были сформированы у них при социализме. Сегодня они просто не умеют правильно себя позиционировать при найме и использовании их рабочей силы. Возникает, как отмечают исследователи, так называемый «ценностный вакуум», проявляющийся в переходном состоянии общественного сознания.

С одной стороны, над ними довлеют прежние стереотипы, поэтому сменить, например, профессию, которой раньше работник заслуженно с точки зрения общества гордился, а сегодня она оказалась не нужной для условий рынка, и, следовательно, поступиться достигнутым социальным положением, к которому вело, как правило, соответствующее образование и накопленный жизненный и профессиональный опыт, он пока не готов. С другой стороны, реальности жизни их к этому ежедневно и непрестанно подталкивают. Эта двойственность не может не оказывать разрушительного влияния на личность, рождает чувство неуверенности в завтрашнем дне, страх перед будущим, что является одним из новых побудительных мотивов к труду, рожденных именно рыночными преобразованиями.

Не случайно исследователи современной ситуации в сфере социально – трудовых отношений отмечают, что она определяется усилением роли механизмов принуждения к труду. При этом, например, «мотивация страха» у населения как чувства

неуверенности в будущем и незащищенности сегодня сохраняется и занимает первое место в классификации форм принуждения, хотя в период реформ 1990-х годов произошла радикальная трансформация условий протекания мотивационных процессов и прямого принуждения к труду практически нет [7]. Тем не менее, этот фактор и спустя полтора десятка лет с начала реформ по – прежнему значим. Для сравнения отметим, что Ю. Левада, анализируя мотивационные процессы в советский период, подчеркивал: «Постоянный страх человека перед всемогущей государственной системой чаще всего был привычным и не осознаваемым специально...» [8]. Другими словами, за годы реформ принципиально изменилась причины страха, но не его место в трудовой мотивации.

Для характеристики «рынка труда» в переходной экономике наибольшее значение, на наш взгляд, имеет сопоставление базовых критериев типичной рыночной структуры с тем, как они реально наличествуют в хозяйственной жизни страны. Если считать содержанием этой категории социально - экономические отношения по поводу формирования, распределения и использования рабочей силы в условиях ее купли – продажи, то специфическими признаками данного вида рынка должны быть: наличие баланса интересов между его субъектами (предпринимателями, трудящимися и государством); определенное соотношение между совокупным спросом и предложением рабочей силы при регулирующей роли заработной платы, законов спроса и предложения, эффектов дохода и замещения, других элементов развитой рыночной структуры, включая ее инфраструктуру (общегосударственную сеть бюро по занятости, банки данных о рабочих местах и др.); наличие устойчивой зависимости между ними и размещением экономически активного населения по сферам хозяйственной деятельности в отраслевом, территориальном, демографическом и профессионально – квалификационном разрезах, позитивное влияние указанных процессов на эффективность общественного производства [9].

Сразу отметим, что ни о каком балансе интересов в 90-е годы не могло быть и речи. В это время проводилась отчетливая политика жесткого ограничения заработной платы и административного ее установления, исходя из самых общих направлений макроэкономической политики и вне связи с ее определяющим значением в рыночной среде для трудящихся и предпринимателей. Особенно это проявилось в политике законодательного определения на федеральном уровне минимальной заработной платы.

Вообще говоря, для адептов рыночной экономики это понятие должно было стать исходным пунктом формирования реального рынка труда, если пытаться реально рассчитывать основу его цены еще до учета так называемых исторического и морального моментов. Кроме того, как указывается в популярных учебниках рыночной экономики, именно минимум заработной платы предусматривается для обеспечения «прожиточной заработной платы», а ее эффективный уровень влечет за собой такое повышение производительности труда, которое перекрывает любой эффект безработицы; в противном случае он мог быть вызван этим минимумом [10].

В отечественном варианте «рыночных» преобразований ничего подобного не произошло. Как справедливо отмечают исследователи, минимальная заработная плата в ходе реформ так и не обрела свой подлинный экономический и социальный статус. Так, если в декабре 1991г. она составляла 21% от уровня средней зарплаты, то в декабре 1999 г. – только 4%. Динамика ее отрыва от величины прожиточного минимума еще более катастрофична: от 65% в декабре 1991 г. до 9% в декабре 1999 г.»

Мы не можем согласиться с автором приведенного выше тезиса только в одном - с одним из обоснований существования в России подобной ситуации. Г.Ю. Дубянская считает, что «верхи» просто не осознали истинной роли данного института в рыночной экономике. По нашему мнению, они осознают это вполне отчетливо и адекватно. Иначе как можно прокомментировать приводимые в

этой же статье выдержки из выступления в Государственной Думе бывшего министра труда, который, представляя для утверждения очередной минимум зарплаты, заявил, что он не служит никакой социальной гарантией. Это – лишь, по его словам, «технический норматив, в соответствии с которым устанавливается налогообложение сверхнормативной зарплаты на предприятиях и в соответствии с которым устанавливаются различные пособия». Поэтому совсем не случайно, что минимальная зарплата в месяц в России составляла в 2000 г. 83, 5 рубля, тогда как наиболее низкая в ЕЭС в тот период в Португалии – 371 евро. Даже громадный ее (семикратный) рост в России до 600 руб. в 2004 г. ничего принципиально не изменил [11]. К рынку труда в таком случае минимум зарплаты действительно и сознательно не имеет особого отношения.

Одной из важнейших причин рыночных преобразований в стране было стремление создать новые формы и механизмы эффективной мотивации высокопроизводительного труда, который должен был приблизить уровень жизни в СССР к промышленно развитым странам. Степень эффективности производства в СССР в предреформенный период была действительно низкой. Например, при одинаковых или даже более высоких капиталовложениях, чем в самых развитых странах, в нашей стране в расчете на одного человека производилось вдвое – втрое меньше ВВП, несмотря на существенно большую обеспеченность основными ресурсами. Неудивительно, что большинство занятых в народном хозяйстве в середине 80-х годов получали среднюю заработную плату в месяц 210 – 220 руб. в месяц, что по официальному курсу (явно завышенному в то время) составляло примерно 240 долл. США, или менее 150 долл., если исходить из паритета покупательной способности валют. В этот же период в наиболее развитых странах Запада ежемесячная зарплата колебалась в пределах 1000 – 2000 долл., а в Греции или Португалии – 500 – 1000 долл. Соответственно были существенно ниже натуральные показатели потребления и условия жизни. Советские люди в среднем тратили на питание в

этот период примерно 40% семейного бюджета против 15–20% на Западе, хотя и питались хуже. Несопоставимыми были показатели обеспеченности современной бытовой техникой. Между тем, к примеру, в США даже бедняки тратили на питание около четверти своих доходов, а «средние» американцы – в два раза меньше, «средние» шведы–23% своих доходов, японцы–18,4, французы–18,6, голландцы и немцы – 15 (сразу же укажем, что к 2000 году граждане России тратили на питание уже 60-70% от величины средней (начисленной) заработной платы)[12].

Однако реформы не только не смогли решить поставленных задач, но и резко ухудшили ситуацию в стране, в том числе фактически уничтожив возможности использования той же зарплаты в качестве механизма рыночного регулирования. К ее старым бедам (низкий уровень, дестимулирующая роль в области эффективности) добавились новые, еще более существенные. Как отмечают исследователи, заработная плата перестала выполнять свои основные функции – воспроизводственную, распределительную, стимулирующую. Во многом это было обусловлено противоречиями между заявленным рыночным статусом рабочей силы, стоимость воспроизводства которой определяется рыночными ценами, и, как правило, фактически используемыми государством нерыночными методами оплаты труда. В последнем случае речь идет о жестком регулировании зарплаты как на государственном, так и на частнопредпринимательском уровнях, которое привело к обнищанию основной массы населения не только за счет инфляционно – девальвационного ее обесценения, но и за счет коррупции, раздела и передела собственности, общей криминализации общества и других факторов.

Политика ограничения уровня зарплаты, проводившаяся под лозунгом борьбы с инфляцией, оказалась малоэффективной хотя бы потому, что доля труда в издержках производства составляла всего 10-20%., а главные источники инфляции были совершенно другими. В 1992-1999 годах ВВП, объем

промышленного производства и реальная зарплата сократились соответственно на 37,3,53,4, 66,9%. Происходило постоянное увеличение разрыва между ростом стоимости рабочей силы как следствие роста цен на потребительские товары (услуги), снижения производительности труда и стремительным падением реальной заработной платы, которая по сути своей все более превращалась из цены рабочей силы в разновидность пособия по бедности. Нельзя не согласиться с утверждением, что подобная ситуация «...стала не только следствием маргинализации общества и экономики, но и одним из ее основных факторов». Из этого также, безусловно, следует, что достигнутое в результате политики правительства превращение труда в России в один из самых дешевых производственных ресурсов, формирование одной из самых жестких систем эксплуатации наемного труда привело к разрушению «...национальных воспроизводственных потенциалов всех видов - научно – технического, человеческого, интеллектуального, индустриального, технологического и пр.» - и особенно важное, для понимания целей данной статьи, - к выведению «...стоимости рабочей силы, а, следовательно, и оплаты труда из системы рыночных отношений» [13]. Другими словами, на пути к столь возжеланному для реформаторов рынку труда они оказались за годы реформ от цели дальше, чем были в начале пути.

Это не могло не сказаться на показателях эффективности производства, в том числе ее важнейшей составляющей – производительности общественного труда. Имеются достаточно полные данные о соотношении динамики заработной платы (номинальной и реальной) и этого показателя в экономике России за десятилетие с 1992 по 2002 гг. (См. табл. 1). Из них следуют довольно неожиданные выводы. Так, например, очевиден вывод о фактически противоположных тенденциях в динамике производительности труда и денежной заработной платы. Первая за весь период сократилась на 24%, а вторая увеличилась в 403 раза. Хотя и очевидно, что в последние годы темпы изменений стали менее высокими, нельзя не увидеть отсутствия связи между ними.

Динамика производительности общественного труда,
денежной и реальной заработной платы в экономике России в 1992
– 2002 гг., индексы

Таблица 1

Показатели	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Производ. труда конец года к 1991г.	0,907	0,929	0,903	0,988	0,973	1,029	0,966	1,049	1,077	1,044	1,028
	0,907	0,842	0,761	0,752	0,732	0,753	0,728	0,763	0,822	0,858	0,882
Денежная среднемесячная зарплата конец года к 1991г.	10,94	9,79	3,76	2,14	1,61	1,25	1,10	1,45	1,46	1,46	1,36
	10,94	10705	40210	8203	13871	17339	1942	2785	4673	5932	8640
Реальная среднемесячная зарплата конец года к 1991г.	0,67	1,0	0,92	0,72	0,68	1,75	0,86	0,78	1,21	1,20	1,17
	0,67	0,67	0,62	0,44	0,30	0,83	0,46	0,36	0,43	0,52	0,61

Что касается динамики производительности и реальной заработной платы, то при их общей направленности к снижению ее существенно различны. Очень важен здесь и общий вывод. Отвечая на вопрос, вынесенный в заглавие статьи («Динамика производительности труда и заработной платы в постсоветской России: есть ли взаимосвязь?» [14]), где опубликованы эти данные, автор пишет: «Динамика производительности труда складывается не на основе внутренней органической связи этих показателей, а под влиянием неких других специфических тенденций и факторов». Они не свойственны ни для капиталистической, ни для социалистической моделей экономики, которые «хотя и по-разному, но *решают* задачи содействия росту производительности труда».

Имеются и другие особенности «рынка труда» в пореформенной России. Прежде всего, он отреагировал на реформы

весьма своеобразно. Рост безработицы был выражен значительно слабее, чем ожидалось, так как носил менее взрывной характер, растянувшись на длительный период. Падение занятости составило 12-14 %, что было явно непропорционально сокращению ВВП, которое по официальным оценкам в нижней точке кризиса достигало 40%. В странах ЦВЕ число занятых сократилось на 20 – 25 % при сравнимой или даже меньшей величине падения ВВП.

Другая особенность – резкое сокращение продолжительности отработанного рабочего времени. По некоторым оценкам, в первой половине 90-х годов среднее количество рабочих дней, отработанных рабочими в промышленности России за год, сократилось почти на целый месяц, и хотя во второй половине десятилетия оно начало увеличиваться, но исходных значений так и не достигло. Отмечается также, что показатели отработанного рабочего времени сильно дифференцированы в обе стороны. В частности, около 15 % всех занятых трудились дольше стандартных 40 часов в неделю.

Еще одна особенность России. В западных странах в условиях кризиса резко возрастает безработица, сокращается занятость, но заработная плата занятых при этом не сокращается. В нашей стране сокращалась именно заработная плата, что можно считать специфически российским механизмом адаптации к рыночным условиям хозяйствования, тогда как занятость снижалась крайне медленно по сравнению с падением ВВП. Р. Капелюшников указывает, что по официальным данным снижение реальной оплаты труда в России в 1991 – 2000 годах составило 60%. Крайним способом снижения реальной заработной платы служили систематические задержки выплат. Чрезвычайно высокая «пластичность» была характерна для скрытой оплаты труда, которая, как правило, первой реагировала на любые перепады рыночной конъюнктуры. Прогрессирующее удешевление рабочей силы позволяло поддерживать спрос на нее на более высоком уровне, предотвращая тем самым резкий всплеск открытой безработицы.

Исследователи отмечают, что во всех странах при переходе к рынку наблюдается нарастание неравенства в распределении трудовых доходов. Однако в нашей стране процесс дифференциации в зарплатах был исключительно резким, и по этому показателю мы в полтора – два раза опередили страны ЦВЕ.

Наконец, «визитной карточкой» отечественного пути формирования рыночных трудовых отношений стали так называемые «нестандартные» способы адаптации к ним: работа в режиме неполного рабочего времени и вынужденные административные отпуска, вторичная занятость и занятость в неформальном секторе, задержки выплат, теневая оплата труда и т. д. [15].

По-видимому, все это нельзя охарактеризовать иначе как типично административные, внеэкономические методы регулирования, которые не должны иметь места в условиях сложившегося рынка труда. Естественно, что это встречается при переходе к рынку и в других странах. Однако именно в нашей стране они приобрели наибольший размах, разнообразные формы и носили отчетливо неформальный или полуформальный характер. Другими словами, они в массовом порядке действовали либо прямо в обход законов и других формальных ограничений, либо вопреки им.

Рамки статьи ограничивают анализ других причин и условий, характеризующих особенности процесса формирования социально – трудовых отношений в пореформенной России. Однако и перечисленного достаточно, чтобы определиться с некоторыми выводами.

Во – первых, по нашему мнению, нет достаточных оснований, чтобы характеризовать сложившиеся к настоящему времени указанные отношения в России как рынок труда. Скорее всего, это некоторое внешнее подобие рынка, «псевдорынок», точнее, многогранная внутренне противоречивая полиструктура, внешне напоминающая рыночные связи, но по сути своей базирующаяся на специфически российском симбиозе как

внеэкономических, так и рыночных отношений в условиях традиционного для подавляющего большинства работников (особенно среднего и старшего поколений) неприятия частной собственности и сопутствующего ему поведения в трудовой деятельности.

Во – вторых, современная российская модель трудового поведения характеризуются сочетанием противостоящих друг другу тенденций и факторов, складывающихся в условиях невнятной, внутренне противоречивой экономической политики государства, которая, с одной стороны, провозглашает стремление построить либерально ориентированную экономику на базе рыночных оснований, а с другой стороны, на практике усиливает жесткие административные меры в организации хозяйственной жизни, в том числе, в области заработной платы, социальной политики в целом.

В – третьих, в сложившихся условиях трудно предположить, что опора исключительно на классические рыночные рычаги сможет обеспечить трудовую мотивацию сколько – нибудь значительной части занятых в народном хозяйстве, соответствующую потребностям ускоренного экономического развития нашей страны, в том числе удвоения ВВП, на основе повышения эффективности производства, прежде всего за счет роста производительности труда.

В – четвертых, по указанным обстоятельствам уместным представляется поиск и обоснование специфически российского пути в данном направлении. В частности, может оказаться конструктивным исследование альтернативных методов и приемов перехода к модели поведения в постиндустриальном обществе, не требующей немедленного и коренного разрушения отечественной системы трудовых отношений, как они сложились в форме так называемой «своеобразной индустриальной общины», [16], с учетом, естественно, современных требований и реалий.

Примечания

1. Карташов С., Одегов Ю. Рынок труда: проблемы формирования и управления (на примере г. Москвы). М.: Финстатинформ, 1998. С.7-8, 13-16; Рынок труда: Учебник//Под ред. В. Буланова, Н. Волгина. М.: Экзамен, 2000. С. 3-4, 8, 10, 19-23 и др.
2. Одегов Ю., Руденко Г. Внутренний рынок труда в системе социально – трудовых отношений// Вопросы экономики. 2004. № 3. С.105-106
3. Маркс К. Капитал. Т.1, кн. 1. М.: Политиздат, 1967. С.178-179, 188.
4. «... если бы труд не был определен как наемный труд, то и тот способ, которым он принимает участие в продуктах, не выступал бы в качестве заработной платы». (К. Маркс. К критике политической экономии. М.: Политиздат, 1984. С. 79).
5. Василевский А.И. Отношение к труду и его роль при исследовании экономических отношений в современной России: Материалы всероссийской конференции «РОССИЯ: глобальное, народнохозяйственное и региональное в переходной экономике». Ярославль: ЯГПУ, 2000. С. 49-51.
6. Маслова И.С. Рабочая сила в пореформенной России // ЭКО. 2002. №12. С 154.
7. Озерникова Т. Принуждение к труду в переходной экономике // Вопросы экономики. 2003. №9. С.100, 105.
8. Левада Ю. Человек советский: проблема реконструкции исходных форм// Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 2001. № 2. С.11-12
9. Никифорова А.А. Рынок труда: занятость и безработица. М.: Международные отношения, 1991. С.10; Котляр А. О понятии рынка труда// Вопросы экономики, 1998. №1. С.33.
10. Макконелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. Баку: Азербайджан, 1992. Т.2. С. 167 –168.
11. Дубянская Г. Ю. Реформы в России и заработная плата (1992-1999)// Вестник МГУ. Сер.6. Экономика. 2001. №2. С. 44-45; Экономика и жизнь. 2004. №6. С.5

12. Гордон Л., Клопов Э. Динамика условий и уровня жизни населения (разнонаправленные тенденции 90-х годов// Мониторинг общественного мнения. 2000. №5(49). С. 25; Дубянская Г. Ю. Реформы в России и заработная плата (1992-1999)// Вестник МГУ. Сер.6. Экономика. 2001. №2. С.42.

13. Дубянская Г. Ю. Указ. соч. С. 36, 38, 40.

14. Яковлев Р. Динамика производительности труда и заработной платы в постсоветской России: есть ли взаимосвязь? // Российский экономический журнал. 2003. №9-10. С.26-27, 29.

15. Капелюшников Р. Российская модель рынка труда: что впереди? // Вопросы экономики. 2003. №4 С. 85, 89; Капелюшников Р. Ненужный спасательный круг (Особенности российского рынка труда)// Эксперт. 2003. №22. С.64, 66; Вишневская Н., Гимпельсон В., Монусова Г. Динамика рабочего времени: сравнительный анализ// Мировая экономика и международные отношения. 2001. №2. С. 70-71; Нарышкина А. Рынок труда в России // Время новостей. 2002. 10 июля

16. См., например, Гордон Л. Россия: рабочее движение в переходном обществе // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 11.

© Н. С. Василевская

**Современные проблемы рационального
исследования религии**

Проблема рационального исследования религии имеет давние исторические традиции. Еще античная философия не только поставила этот вопрос, но и открыла страницу мировой культуры для рационального осмысления религиозного феномена. За прошедшие столетия эта традиция не исчезла, а укрепилась, накопив значительный по объему и глубокий по смыслу теоретический материал, убеждающий в ее необходимости. Религия остается неотъемлемым институтом и духовно-

культурологическим элементом истории человечества, является живым организмом, относительно самостоятельным и устойчивым, способным к активному существованию в различных социальных условиях. Об этом убедительно свидетельствуют реалии современного мира. И хотя тенденции функционирования религии в ее конфессиональном проявлении и регионах мира неодинаковы, общая ситуация остается безусловно положительной для нее.

Все это обязывает теоретическую мысль не уходить от анализа религии, ее современного состояния, традиционных и новых форм проявления и функционирования. В этой связи актуальным остается вопрос о рациональном понимании религии. Ныне насчитывается более 250 ее определений. Несмотря на такое теоретическое богатство, остается ощущение недосказанности, неполноты понимания религии. Это, несомненно, связано со сложностью изучаемого явления, требующего системного анализа, который, по нашему мнению, еще окончательно не сложился, и многие научные направления все еще только открывают религию. Подобная ситуация естественна, поскольку ее понимание всецело зависит от достигнутого знания всего комплекса представлений о мире, социуме, человеке и его духовной деятельности. Не случайно в исследовании религии на разных этапах истории преобладали гносеологический, антропологический, социологический анализ. Появление психологии как самостоятельного знания в конце 19 - начале 20 веков внесло понимание психологических оснований и функций. Много нового религиозоведение черпает из современных исследований в области культуры, социологии, что дает основание многим ученым утверждать о сущности религии прежде как социокультурном феномене [9].

Сегодня наука имеет возможность более основательно подойти к пониманию как внешних форм выражения религии, ее структуры, так и сущностных составляющих. В этих вопросах также нет полной ясности и более или менее единого понимания

Так, например, традиционно утверждалось, что главным, определяющим и всеобщим признаком религиозного сознания является вера в сверхъестественное. Западные исследователи еще в начале прошлого века оспаривали это утверждение, опираясь на анализ многообразных исторических и конфессиональных форм религиозного феномена. Научные данные утверждают, что на ранних этапах развития сознание человека еще не было способно формировать представления и различать «сверхъестественное» и «естественное», а, следовательно, вера в их существование не свойственна религиозному сознанию этого исторического этапа. Устойчивое деление мира формируется в иудео-христианской традиции. Но и в дальнейшем отсутствие «веры в сверхъестественное» сохраняется в религиозном сознании и присуще многим восточным религиям – даосизму, буддизму и др. Все это побуждало исследователей искать более прочные и всеобщие признаки религиозного феномена.

Немецкий философ и теолог 20 века Р. Отто, шведский лютеранский исследователь Н. Зедерблом и др. указывали на такие особенности религиозного сознания, как наличие опыта «священного – нуминозного» и «профанного». «Святость есть определяющее слово в религии, - заключает Н. Зедерблом, - оно является даже еще более важным, чем понятие Бог. Истинная религия может существовать без определенного понимания Божества, но нет подлинной религии без различения между «священным» и «профанным». «Святость», «связанность» важнейшие признаки истинной религии» [12].

Один из ведущих современных российских исследователей религии И.Н. Яблоков делает следующий вывод: «Принятие «веры в сверхъестественное» за всеобщий, специфический признак всякого религиозного сознания не соответствует фактам. Не следует полагать, что у религиозного сознания есть только ему свойственный какой-то признак. Своеобразие этого сознания – в совокупности, комбинации, корреляции, субординации и

направленности черт» [6]. Религиозная вера выступает, по его мнению, интегративным компонентом религиозного сознания, под влиянием которого приобретают своеобразие все другие его компоненты, такие как чувственная наглядность, создаваемые воображением образы, соединение адекватного содержания с иллюзиями, символичность, аллегоричность, диалогичность, сильная эмоциональность, язык религии.

Религию следует понимать как сложное духовное образование, специфический способ духовной деятельности, форму общественного сознания, требующего системного анализа. Основой религии выступает религиозное сознание, которое проявляется на двух уровнях: теоретическом и бытовом, или обыденном. В литературе существуют и другие названия структурных элементов религиозного сознания – концептуальный (Яблоков И.Н.) или религиозная идеология и религиозная психология. Теоретический уровень, как считают К.В. Кислюк и О.Н. Кучер, включает вероучение, теологию, религиозные концепции философии, политики, экономики, права, морали и др. Сохранение и распространение вероучения на теоретическом уровне религиозного сознания является важнейшей функцией религиозной организации, в какой бы форме она ни выступала. На обыденном – бытовом уровне религиозное сознание предстает в виде наиболее доступных каждому религиозному человеку образов того или иного вероучения, настроений, традиций.

Глубинные основания религиозного сознания следует, на наш взгляд, искать на психологическом уровне. Дискуссионным здесь остается вопрос о «религиозном опыте» и его месте в структуре религиозного сознания. Проблема религиозного опыта была поставлена христианской теологией, особенно в период формирования протестантизма. Вехой в истории теологического осмысления религиозного опыта было творчество Ф. Шлейермахера, лютеранского философа и теолога конца 18 - начала 19 вв. В традиции теологической мысли религиозный опыт

представал, прежде всего, как «опыт благодати, как опыт веры, как опыт отношения к Слову Божьему и богооткровенному знанию, данному в Св. Писании». Глубокие размышления о религиозном опыте представлены и в русской религиозно-философской мысли начала 20 века.

Понятие религиозного опыта в научном понимании не было широко распространенным термином до опубликования работы одного из основателей психологии, религии американского философа-прагматиста В. Джеймса «Многообразие религиозного опыта». Под религиозным опытом Джеймс понимал субъективные религиозные феномены в различных формах: мистические видения, галлюцинации, экстатические состояния, экзальтированные созерцания и др. Большое внимание он уделял анализу религиозного чувства и признавал вероятность того, что оно не заключает в себе какого-либо элемента, который бы с психологической точки зрения имел специфическую природу [5].

Сегодня понятие религиозного опыта находится под пристальным вниманием зарубежных исследователей. Собран богатый эмпирический материал, позволяющий говорить о том, что религиозный опыт рождается тогда, когда человек соприкасается с «предельными, конечными условиями человеческого существования». Религия, по мнению современного американского культуролога, это – «система символов, которая способствует возникновению у людей сильных, всеобъемлющих и устойчивых настроений и мотиваций, формируя представления об общем потоке бытия и придавая этим представлениям ореол действительности таким образом, что эти настроения и мотивации кажутся единственно реальными» [Клиффорд. Интерпретация культур. М., 2004, С.108].

Религиозный опыт как основа религиозного сознания рассматривается и отечественными авторами работы «Религиоведение: социология и психология религии». Они полагают, что всякий опыт личности возникает от соприкосновение наших

чувств с чем-то, находящимся за их пределами. Соприкосновение с реальностью религии есть «религиозный опыт» [10]. По мнению В.И.Веремчука, «религиозный опыт есть опыт соприкосновения с реальностью иного порядка, находящий свое выражение в символах и образах той или иной религиозной традиции» [3].

Научному осмыслению религиозного опыта уделяет большое внимание современный отечественный исследователь религии Ю.А. Кимелев. В работе «Философия религии» он посвящает целую главу анализу религиозного опыта, считая его «исходным моментом» в теоретическом исследовании религии. Правда, под религиозным опытом он понимает все то же «наличие опыта «священного», опыта соотнесенности своей жизни с божественным, с Богом». Он полагает включенность в религиозный опыт и опыт мистический, рассматривая как их общие, так и специфические черты, различая в то же время религиозный опыт религиозных феноменов – буддизма, христианства, ислама [7].

Современная отечественная научная мысль еще далека от однозначного понимания религиозного опыта, по-видимому, по этой причине часть авторов последних изданий по религиоведению не включает религиозный опыт в структуру религии. Нам представляется, что, несмотря на недостаточное исследование отечественной наукой религиозного опыта, его нельзя не замечать в основополагающих основаниях религии. Следует согласиться с теми исследователями, которые полагают, что религиозный опыт – это комплекс чувств, имеющих объективную основу и вырастающих более всего «на чувстве неслышанной тайны, удивительной взволнованности. Оно может неожиданно вырваться из души в спазмах и конвульсиях», - писал Рудольф Отто. Это «и чувство томления по трансцендентному существу, чарующее человека», заставляющее его беспокоиться, тревожиться, искать Бога [2].

Религиозный опыт мистичен в своей основе, так как он имеет дело с особыми символами мира, которые представляют нечто такое, что иным путем, кроме символов, не может быть выражено вообще. Он – единственный способ выразить невыразимое, то, что не является «вещью среди вещей», а есть что-то совсем другое, особое. Именно на различении «священного» и «профанного» строилось понимание религии у Э. Дюркгейма [Дюркгейм Э. Священные объекты как символы // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. М., 1996. С. 469]. На уникальность смысла религиозного опыта обращает внимание и известный американский социолог Р. Белла в книге «По ту сторону веры» (1970). Он подчеркивает ту особенность религиозного состояния личности, где она соприкасается с объективными ситуациями, которые не имеют реального решения и требуют ответа мистического. «Опыт смерти, зла и страданий, - по его словам, - приводит к постановке глубоких вопросов о смысле всего этого, на которые не дают ответа повседневные категории причины и следствия. Религиозные символы предлагают осмысленный контекст, в котором этот опыт может объяснен благодаря помещению в более грандиозную мировоззренческую структуру и предоставлению эмоционального утешения... Человек – это животное, разрешающее проблемы. Что делать и что думать, когда отказывают другие способы решения проблем, - вот сфера религии» [Белла Р. Н. Социология религии // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 266-267].

Ориентирующая сила религии, как подчеркивают американский социолог П.Л. Бергер и немецкий социолог Т. Лукман, особенно важна в пограничных ситуациях, ставящих под сомнение повседневную жизнь индивида. Человеку необходим не столько опыт реальный, сколько религиозный, благодаря которому безграничный Космос и маленькая травинка вмещаются

сознанием индивида, укореняя его в вечности, приближая мир, обеспечивая прочность человеческого существования. Работа указанных социологов интересна и тем, что их внимание сосредоточено на изучении дотеоретического «обыденного сознания», с которым люди имеют дело в повседневной жизни. Интерсубъективное человеческое сознание производит «общественную конструкцию действительности», создавая тем самым жизненный мир индивидов. Религиозное начало играет основополагающую роль в этом процессе, поскольку ему принадлежат смыслополагающие функции, подчиняющие ему все другие механизмы придания смысла [Бергер П., Лукман Т. Повседневная жизнь и религиозный опыт // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. С. 535-538].

Религиозный опыт, по мнению ряда исследователей, имеет две линии направленности: восточные религии вырабатывают практику внутреннего опыта и духовно-практическую систему самоуглубления и отрешенности от мира. Христианство и ислам направляют религиозный опыт индивида в мир, к Богу, видимо, поэтому здесь так отчетливо формируется вера как механизм связи, соединения человека и Бога; это и дало основания христианским теологам по этому признаку определять, что такое религия. Напомним: слово «религия» пришло в культуру приблизительно с 16 века. До этого оно иногда встречалось в книжном языке без постоянного значения, вместо него употреблялись синонимы «вера в духовные сущности», «верования народов», «набожность». Христианство в Римской империи извлекло его из латинского языка, придав тот специфический смысл, которым оно обладает сегодня. Крупнейший теолог, один из «отцов» христианской церкви, епископ Августин, живший в 4 веке, одним из первых назвал христианство религией и рассматривал это слово как производное от «вновь связывать, соединять». Христианство, утверждал блаженный Августин, «только и есть религия – истинный путь воссоединения и примирения человека с Богом, человека, отпавшего от Бога и

вставшего на путь греха». А формой связи человека и Бога, по мнению богословов, может быть только вера.

Современные исследователи религии останавливают внимание на вопросе объекта религиозного опыта. Многие полагают, что религиозный опыт обладает свойством «невыразимости», а, следовательно, невозможности точного определения его объекта. Здесь, по мнению религиоведов, мы имеем дело с гаммой чувств как механизмом постижения реальности, ощущаемой как высшей и последней, священной и божественной, постигаемой субъектом свободы от всяческих пространственно-временных ограничений и условий. Религиозный опыт нельзя отождествлять с сознательным волевым или познавательным усилием. Для субъектов их опыт означает, что Бог суверенным образом являет им свое бытие, свое присутствие и веру, наличие Бога, благодаря религиозному опыту, выступает как, безусловно, действительная и действенная реальность. Таким образом, религиозный опыт занимает важнейшее, фундаментальное место в зарождении и функционировании религиозного феномена, выступая тем основанием, с которого начинается постижение субъектом чего-то такого, что выходит за пределы рационального и открывается посредством чувства.

Религиозный опыт имеет широкое содержание. Он включает не только онтологический, но и ценностный смысл. Содержание опыта для субъекта этого опыта обладает полной достоверностью и безусловной ценностью.

Однако найти «естественные причины» религиозного опыта и понять его содержание еще не означает признать его «свидетельскую ценность», признать его эпистемологический статус и его способность продуцировать знание. «Религиозный опыт, - пишет Ю.А. Кимелев,- может иметь «свидетельскую ценность» только при условии, что он принципиально отличен от всякой метафизики, в том числе религиозной, что он представляется как сугубо спонтанный, уникальный и независимый способ отношения к бытию или трансцендентной сфере; только при

условии, что религиозный опыт представляет некую автономную сферу человеческого опыта, которая определяется только своим реальным или интенциональным объектом, своими имманентными закономерностями и правилами. Только в этом случае религиозный опыт мог бы претендовать и на эпистемологическую автономию» [7].

Поскольку философскому религиоведению, продолжает автор, не удалось продемонстрировать автономию религиозного опыта в рассматриваемом смысле, постольку нельзя считать его средством обоснования существования Бога. Религиозный опыт как источник знания может получить оправдание, если его рассматривать наряду с другими, а не воспринимать как единственный. Более того, и это, пожалуй, самое главное, религиозный опыт необходим определенным метафизическим системам, таким, как религиозные, которые выстраивают свою систему верований на нерациональных основаниях.

Религиозный опыт есть лишь форма отношения субъекта к иной реальности, чем повседневный мир человека, реальности, которую он жаждет и создает силой своих чувств и воображения. Он возникает в том случае, если индивидуум концентрирует свое внимание на «Другом» или Божественной реальности. При этом возможны и другие формы отношения к этой реальности, например, «вера» как средоточение, «интегративный» элемент религиозного отношения. В.И. Веремчук считает, что любой религиозный опыт можно описать, опираясь на три основных элемента:

- 1) мировоззрение, чувства, представления и отношения с внешним миром индивидуума, переживающего опыт;
- 2) раскрываемый в данном опыте объект религиозного поклонения или реальность, на которую данный опыт указывает;
- 3) социальные формы, возникающие из того, что данным опытом можно поделиться с другими людьми [3].

Если опираться на указанные элементы и предыдущие рассуждения, то в качестве вывода можно сформулировать

следующее понимание религиозного опыта. Он возникает как опыт соприкосновения с реальностью, находящей свое выражение в символах и образах, формирующихся в той или иной религиозной традиции. Он выступает механизмом «захвата», втягивания субъекта опыта в реальность, которая не имеет вещественного выражения, кроме как «быть» в чувственном переживании и религиозном сознании, делая индивида «вместилищем» или носителем этого бытия. «Субъектные» свойства религиозного опыта транслируются в систему социальных отношений, наполняя их специфическим смыслом, подчиняя себе все или большую часть отношений бытия в мире.

Библиографический список

1. Белла Р.И. Социология религии // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
2. Вах И. Социология религии (Социология религии: классические подходы) / Научн. руков. и сост. М.П. Гапочка, Ю.А. Кимелев. М., 1994.
3. Веремчук В.И. Социология религии. М., 2004.
4. Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.
5. Джеймс В. Многообразие религиозного опыта. СПб., 1993.
6. История религии: В 2х томах / Под ред. И.Н. Яблокова. М., 2004.
7. Кимилев Ю.А. Философия религии. М., 1998.
8. Кислюк К.В., Кучер О.Н. Религиоведение. Изд. 3-е, доп. Ростов н/Д., Харьков. 2004.
9. Комаров М. С. Социология. М., 2003.
10. Самыгин С.И., Нечипуренко В.И., Полонская И. Н. Религиоведение: социология и психология религии. Ростов н/Д., 1996.
11. Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. М., 1996.
12. Яблоков И.Н. Религиоведение. М., 1998.

Региональные политические элиты

Региональные политические элиты ответственны за обеспечение целостности и стабильности страны, поэтому очень важно, чтобы они носили открытый характер и полностью отражали интересы жителей региона. Однако последние политические решения, направленные на «укрепление вертикали власти» – назначение глав субъектов федерации и изменения в избирательном законодательстве – способствуют усилению закрытости элиты, бюрократической мобильности и зависимости от федеральной власти.

В процессе становления современных региональных политических элит выделяют следующие этапы: 1). 1991 г. – революционные изменения; 2). 1992–1993 гг. – конфронтационные линии «представительная – исполнительная власть»; 3). 1993–1995 гг. – укоренение и стабилизация элит; 1995 – легитимизация элит.

Всего за 1991–1992 гг. Ельцин назначил 70 глав регионов, к концу его правления их осталось 19, к 2004 году – 12. Большинство «назначенцев» не выдержало испытание выборами. Выборность региональных руководителей принципиально изменила профиль власти: выборы не только привели наверх новых людей, но и сделали губернаторов (глав) опасно независимыми от центра. Политические рычаги управления регионами были крайне ослаблены не только из-за введения выборного принципа формирования губернаторского корпуса, но и из-за отсутствия единой нормативной базы взаимодействия центра и территорий, противоречий в законодательстве. Экономические ресурсы долгое время оставались единственно реальными рычагами влияния центра, что привело к искажению межбюджетных отношений. Так называемые «трансферты» позволяли центральной власти управлять регионами, но это касалось только бедных, дотационных регионов.

Немаловажным рычагом давления на губернаторов была и угроза уголовного преследования. Повод найти нетрудно: нецелевое использование бюджетных средств, нарушения в процессе приватизации, коррупция и т. д. Массированные проверки безошибочно указывали на недовольство центра. Таким образом, политический процесс персонифицировался, переходя из плоскости формально-институциональных отношений в плоскость угроз личной безопасности конкретных людей. Дефицит легитимных властных ресурсов компенсировался практикой широкого использования латентных форм давления.

Анализ региональной элиты показывает, что удельный вес номенклатуры остаётся до сих пор чрезвычайно высоким. Никакой видимой революции в региональной элите не произошло. Плавность убывания представителей советской номенклатуры свидетельствует о естественном ходе обновления, а вовсе не о приходе новых людей к власти в российских регионах. На протяжении всех реформаторских лет и до сих пор костяк региональной элиты составляли руководители регионального уровня, что является ещё одним свидетельством стабильного статусного роста, а не революционной ломки политического класса. Подъём на верхние позиции глав регионов происходил и за счёт статусного перемещения в иерархии: значительную часть постсоветских губернаторов составляют те, кто ранее работал на постах заместителей руководителей того же уровня и в том же регионе. Основным направлением вверх идущей мобильности было повышение уровня власти с городского или районного на областной и краевой.

Выборы не изменили принципиально состав региональной элиты и, прежде всего, за счёт использования административного ресурса, под которым понимается возможность манипулировать электоратом и результатами выборов, используя различные виды зависимостей политических игроков и населения от действующей власти. Иногда такое манипулирование связано с прямым нарушением закона – и тогда речь идёт о фальсификации выборов,

но чаще ограничение конкуренции и давление на электорат происходит в рамках закона. На выборах происходит мобилизация всех ресурсов системы: финансовых, медийных, организационных. Широкомасштабное давление на электорат с помощью СМИ, публикация «компромагов» и «рейтингов» кандидатов, различные формы подкупа избирателей и шантаж руководителей предприятий с целью обеспечения нужного процента голосов, уголовное преследование неугодных, но популярных кандидатов – лишь немногие из методов, применяемых администрацией. Выборы проходят в условиях сговора политических игроков, в числе которых не только кандидаты и их партии, но и финансово-промышленные группы, правоохранительные органы, избирательные комиссии всех уровней.

Губернаторы часто проигрывали выборы, что было бы невозможно в случае, если бы их административный ресурс был решающим фактором избирательных кампаний. Смена губернатора часто происходила не из-за их недостаточной популярности в своём регионе, а под влиянием федерального административного ресурса. В случае столкновения регионального административного ресурса с федеральным победа, как правило, оставалась за последним.

И всё-таки, несмотря на огромное количество нарушений, выборы были единственной возможностью граждан влиять на формирование политической элиты в регионах. Принятие в 1995 году закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» представители федеральной власти оценивали как прорыв к подлинной демократии и гражданскому обществу. За десять лет концепция изменилась – генеральная линия Кремля теперь подразумевает максимальную стабильность и управляемость. После перехода к назначению губернаторов главы муниципальных образований (МО) остаются единственными представителями исполнительной власти, которых избирает непосредственно народ. Именно поэтому они не вписываются в новую властную схему. Согласно статье 12 Конституции, местное

самоуправление не входит в систему государственной власти. Любой вариант перехода к назначению глав муниципалитетов или контролю за выборами был бы, во-первых, неконституционным, а во-вторых, противоречил бы Европейской хартии местного самоуправления. Тем не менее федеральная власть не оставляла попыток найти выход из ситуации, и в итоге нужное решение было найдено, причём в строгом соответствии с Конституцией, исключительно за счёт внутренних резервов нового закона о местном самоуправлении, принятого в 2003 году.

В этом документе прописаны два способа формирования муниципальной исполнительной власти: глава муниципалитета может избираться либо всенародным голосованием (тогда он становится и руководителем администрации), либо муниципальным собранием из числа его депутатов. Во втором случае глава МО становится председателем муниципального совета, а администрацию возглавляет наёмный менеджер, избранный на конкурсной основе. Именно вторую схему в Кремле посчитали оптимальной и заслуживающей повсеместного внедрения. Наёмных менеджеров можно контролировать сверху – конкурсные комиссии, отбирающие кандидатов, должны на треть состоять из представителей субъектов РФ (предлагается увеличить их число до 50), причём реально управлять хозяйством будет глава администрации, в распоряжении которого окажутся все финансовые рычаги, а номинальному главе МО останутся представительские функции.

Какой станет региональная элита после всех преобразований? Сейчас мы можем только предполагать, однако эти предположения не вселяют оптимизма.

Политическая культура и политическая социализация молодёжи

Политическая социализация представляет собой двуединый процесс:

- воспроизводство политической системы путём рекрутирования и обучения новых членов общества, сохранение преемственности поколений в политике;

- перевод ценностей политической системы в структуру личности, формирование политического человека с определёнными гражданскими качествами.

Политические знания, ценности, модели участия начинают формироваться задолго до того, как индивиды обретут возможность применить их в реальной общественной практике. Именно поэтому приобретает особое значение процесс политической социализации молодого поколения как социальной базы развития гражданской политической культуры общества. Это социальный ресурс заявленных демократических преобразований.

В условиях трансформационных процессов, меняющих систему социально-политических отношений, политическая социализация выступает в качестве способа адаптации граждан к новой социально-политической ситуации и способствует производству нового типа политической культуры на индивидуальном уровне.

На личностном уровне ценностные ориентации, модели поведения определяются способностями личности «селекционировать» предложенный набор политических позиций, руководствоваться в этом процессе внутренними предпочтениями и убеждениями (рациональными и эмоциональными). Сложный вопрос: как формируются эти фильтры, которые одни ценности

пропускают, другие отталкивают. Каким образом политические ориентации усваиваются индивидом?

Большая роль в социализации отводится семье. Психологи и социологи отмечают, что у молодых людей представители различных видов власти ассоциируются с авторитетом отца. Влияние отцовского авторитета способствует формированию положительного образа власти. Семейное влияние на политические предпочтения увеличивается, если между родителями есть устойчивое согласие в оценках политики, действий партии. Выходцы из семей с низким доходом, выступая против родительского сверхконтроля, формой протеста часто выбирают отказ от традиционной для семьи партийной идентификации. Молодёжь более статусных групп к такому способу прибегает реже.

На формирование самих политических ориентаций влияет множество факторов. Обычно фиксируются образовательный уровень, направленность специализированных занятий, социальное положение, уровень компетентности, внутренняя ориентация на активную деятельность. На основе этих факторов выделяют типы политической социализации: гармоничный, плюралистический, гегемонистский, конфликтный.

Социологические исследования, проведённые среди молодёжи, позволили выявить ряд интересных моментов, касающихся отношения к политической системе и государству. Значительная часть молодёжи усматривает в государстве надёжную опору, то есть фиксируется высокий уровень патерналистской ориентации (64%). И всё это при отсутствии государственной пропаганды подобной позиции, скорее наоборот: действия государства настраивают на то, что нужно самим заботиться о себе. В повседневной жизни молодое поколение зависит от государства меньше, чем старшее. Но невозможность положиться на государство приводит к безразличию к нему как институту и нежеланию участвовать в политической жизни, в частности, в процедуре голосования.

Рейтинг доверия социальным и политическим институтам позволяет судить об уровне приемлемости существующих форм. Наличие низких показателей свидетельствует о психологическом климате в обществе.

Оценки и ожидания молодых в отношении государства определяют рамки, в которых они в будущем будут взаимодействовать. В целом у молодых невысокий уровень доверия к институтам государства и гражданского общества: парламент – 30%, милиция – 29%, СМИ – 67%, партии – 15%, негосударственные организации – 21%.

Доверие к армии выше на Северном Кавказе и в малых городах и деревнях. Молодые люди в целом не против армии, они готовы служить, но их настроение передаёт один из лозунгов: «Нам нужна служба по контракту, а не рабство по призыву».

Сложнее дела обстоят с партиями. Низкий рейтинг может не позволить этому политическому институту принять более цивилизованные формы.

Но интерес к молодёжным организациям партий есть. Лидер молодёжного «Яблока» Илья Яшин даёт такую классификацию молодёжных политических организаций по принципу формирования и целевому предназначению:

1. Кузница кадров – организации существуют при политических партиях, представленных в парламенте. Они служат трамплином для молодых карьеристов. Наиболее способных трудоустраивают в аппарате партии или фракции, помощниками депутатов.

2. Стадо – организации имеют административное управление, солидные бюджеты. Их достоинством является массовость, но большим недостатком – отсутствие объединяющей идеи. Организации могут прекратить существование с ликвидацией финансирования.

3. Идеалисты – в основе объединения лежит благородная идея защиты прав униженных, свободы личности, защита экологии. Но такие структуры представляют собой клубы энтузиастов.

4. Сектанты – это лево- и праворадикальные организации. Их функционирование эксплуатирует юношеский максимализм, обострённое восприятие социальной действительности. Для политически, социально (а подчас и нравственно) несформировавшихся молодых людей рисуется образ врага, которого обвиняют во всех бедах.

5. Боевой авангард – организации де факто обслуживают интересы какой-либо партии. Они постоянно подчёркивает независимость и при этом яростно борются с политическими оппонентами своих хозяев [1]. Но более значительное число молодых людей не могут назвать партию, которая бы отвечала их интересам.

Огромную роль в политической социализации играют СМИ. Доверие к ним неожиданно высокое (67%), и это при том, что сложно говорить о их независимости. С учётом такого влияния обоснованное беспокойство вызывает обилие жестокости и насилия на экране. Подобные способы решения проблем переносятся и на политику, не стимулируя рост толерантности, понимания политического оппонента.

Низкий рейтинг негосударственных организаций может негативно сказаться на формировании институтов гражданского общества, так как сейчас на ментальном уровне у молодых закладывается представление о легитимных структурах.

Надо заметить, что прошедшие в стране за последние годы перемены привели к омоложению политической элиты. И уж совсем молодое лицо у значительной части экспертов, аналитиков, референтов. У половины молодых людей упоминание политики не вызывает резко отрицательных эмоций, хотя интересуются ею, конечно, меньше. Заметно более раннее обращение к политике.

Чтобы составить грамотный финансовый или экономический прогноз, быть наблюдателем или доверенным лицом в избирательной кампании, необходимо знание политической ситуации.

Реализацию политической социализации в помыслах, действиях, поступках можно представить следующим образом: интерес к политической информации, затем поиск этой информации и её потребление; появление привычки к политическим оценкам происходящего, что уже требует политического кругозора; вырабатывается потребность в политических знаниях, реализуемая в образовании (самообразовании).

Уровень социального равновесия, достигнутый на сегодня в России, составляет основу современного политического процесса, который у нас определяется как «контролируемый беспорядок». Это обстоятельство придаёт российской политической культуре крайне фрагментарный и нестабильный характер, из чего вытекает внутренне противоречивый процесс политической социализации, прежде всего молодёжи.

Библиографический список

1. Надя М. Дюк. Первое свободное поколение: молодёжь, политика и идентичность в России, Украине, Азербайджане // Вестник общественного мнения. 2003. № 1.

© А.А. Борисенко

Ценностные ориентации женщин в период реформ

В реформируемой России «женский вопрос» чрезвычайно актуализировался: положение женщины все более зависит от ситуации в стране, от того, как быстро и успешно идет экономическая реформа и реформа политической жизни, развитие демократии. Другими словами, создание лучших условий для реализации потребностей и интересов играет большую роль в

реформировании системы ценностей женщин и выступает в качестве целей жизни и основных средств достижения этих целей. В силу этого жизненные ценности приобретают функцию важнейших регуляторов социального поведения женщин.

Социальные ценности – продукт социализации женщин, освоения ими общественно-политических, нравственных, эстетических, этических идеалов и непреложных нормативных требований, предъявляемых к ним как к членам общества. Социальные ценности самым тесным образом связаны, во-первых, с социально-экономической природой общества и объективными условиями предметной деятельности женщин, во-вторых, с социальными установками высшего уровня, соотносимыми с ценностью образа жизни, в сравнении с установками на частные социальные субъекты и ситуации, регулирующие отдельные поступки. Социальные ценности, будучи отражением фундаментальных интересов женщин, выражают и субъективную общественную позицию женщин, их мировоззрение и нравственные принципы. В последние годы переоценка духовных ценностей и ориентаций в период социальных трансформаций в России оказывает огромное влияние на сознание женщин и их взгляды. При этом именно женщины, как доказано историей и наукой, оказывают решающее влияние на формирование духовного мира и культурных ценностей детей, семьи.

В силу этого изучение жизненных ценностей современных женщин представляется весьма актуальным. Основные ценности можно сгруппировать следующим образом: материальное благополучие (недвижимое имущество, доход, материально-вещная среда, продукты питания); оплачиваемый труд, творческая деятельность; самосохранительная деятельность, восстановление сил, поддержание здоровья, спорт, отдых; семья, брак; дети и их воспитание; домашний неоплачиваемый труд; общение; познавательная деятельность (учеба, овладение профессией, чтение, информация); безопасность. Имеющаяся эмпирическая информация [4. С. 33] позволяет получить некоторое представление

о сдвигах в ценностных ориентациях, происшедших в течение 90-х годов.

Так, например, данные показывают, что семья и дети сохраняют свое значение как базовые ценности женщин. На это указывают и данные опросов, проводимых ВЦИОМ [7. С. 24, 25]. Высокий ранг этих ценностей у женщин указывает на то, что сегодня в целом в обществе заметны шаги в направлении возрождения религиозно-нравственных устоев и представлений о соответствующем им нормативном поведении. Далее, после семейных ценностей, важное значение для женщин имеют «благополучие» (включая здоровье), «материальное положение» и «отдых». При этом очевидно (из данных) некоторое снижение ценности оплачиваемого труда, работы, хотя в 70-х - 80-х работа и семья? по данным исследований тех лет [2] имели для респондентов-женщин одинаковый статус.

Рассматривая ценность работы в повседневных ориентациях женщин более подробно, можно выделить три больших группы женщин, различающихся по отношению к труду. Первая – это женщины, сориентированные на возрождение традиционных отношений в семье, где женщине отводится роль хранительницы очага. У другой группы женщин важное место занимает ориентация на профессиональную деятельность, экономическую самостоятельность, самореализацию независимо от материальной обеспеченности мужем. И, наконец, третья группа женщин – с четко выраженной ориентацией на труд, поскольку заработанные ею деньги жизненно необходимы для нее самой, ее семьи, независимо от брачного статуса женщины. Это наиболее многочисленная группа женщин, поэтому представляется необходимым остановиться на ее характеристике более детально. В различных социологических исследованиях [5] ценностные ориентации женщин анализировались при помощи переменных, в частности, выяснения предпочтения профессиональной и семейной деятельности. В результате был сформирован некий образ современной женщины, ценностные установки которого и рассмотрим. По мнению

респонденток, образу нашей современницы должны быть присущи следующие качества: успешное сочетание профессиональных и семейных обязанностей – 60,7%; умение общаться с людьми – 43,2%; успешное ведение дома и воспитание детей – 37,7%; экономическая самостоятельность – 36%; высокий уровень культуры и интеллекта – 34,7%; профессиональная грамотность и стремление сделать карьеру – 19,5%.

Смысл своей трудовой деятельности женщины видят в повышении доходов семьи – 63,7%; в желании быть в коллективе – 50,2%; укреплении личной экономической самостоятельности – 43,2%; в реализации своих способностей – 36%. Небольшое число женщин – 8% – хотели бы сделать хорошую профессиональную, деловую карьеру. Для подавляющего большинства женщин карьера, таким образом, не является большой ценностью: для 34,7% – это довольно важно, для 45,5% – совсем не важно.

Желание иметь интересную работу, возможность профессионального роста и реализации своих способностей самым тесным образом связаны с ориентацией на повышение образования. Для подавляющего большинства повышение образования довольно важно – 49,5% и не очень важно – 19,2%.

Большинство женщин стремится изменить свое материальное положение, иметь более высокий доход. Для 48,2% высокая заработная плата – очень важно, для 37,5% – довольно важно, для 7,7% – совсем не важно.

Изменение материального положения связывается женщинами с двумя факторами. Первый – это профессиональный рост, продвижение по службе, занятие высокой должности. Но возможностей у женщин для этого меньше, чем у мужчин, считают респондентки, потому что семейные обязанности требуют много времени (55,5%) и трудно совмещать работу и семью (38%). Второй фактор – это смена места работы, сферы занятости. Для большинства респонденток вопрос смены работы, на первый взгляд, не стоит (41%); 18,2%

устраивает нынешнее положение; 18,7% хотели бы перейти на другую работу, но не знают с чего начать; 8,5% решили сменить место работы. Но стабильность в отношении нынешнего места работы только кажущаяся, так как 59,2% женщин безусловно согласились бы поучиться на курсах, где преподают основы предпринимательской деятельности. Такая возможность привлекает женщин следующими ориентациями – желанием больше заработать (47%), быть более независимой (33,5%). В то же время появляются и такие причины, как «коммерческая жилка» (16,7%), а также безысходность и отчаяние (15,7%).

Таким образом, приведенные данные показывают, что в основном женщины хотят иметь возможность работать, получать достаточно высокую заработную плату, профессионально расти, самореализовываться. В то же время для них не менее, а скорее даже более важна семья. Практически все опрошенные женщины отмечают ценность семьи: причем подавляющее большинство – 72,7% подчеркивают очень большую ценность семьи для них.

Если сравнить результаты исследований за прошедшие 15-20 лет, то изменения в ценностных ориентациях женщин очевидны. Современные женщины более сориентированы на семейную жизнь. Так, по данным восьмидесятых годов Е.Ю. Груздевой и Э.С. Чертихиной, даже если бы муж один зарабатывал столько, сколько оба супруга, 70 % женщин не оставили бы свою работу [1. С.6] При тех же условиях 63% женщин сегодня не оставили бы свою работу, при этом полученные данные позволяют предположить, что в дальнейшем часть женщин, которые сегодня еще не определили свою позицию (21%), могут быть сориентированы скорее всего на семью.

Таким образом, на основе изученных фактов можно сделать следующие выводы. В системе жизненных ценностей современных женщин профессиональная деятельность занимает чрезвычайно важное место. Особенность здесь заключается в том, что смысл трудовой деятельности женщины видят прежде всего в повышении материального благосостояния семьи, в

профессиональном росте.

Также важной ценностью женщины считают образование, повышение уровня которого связывается с профессиональным ростом и повышением материального благосостояния и самореализации.

Библиографический список

1. Груздева Е.Ю., Чертихина Э.С. Труд и быт советских женщин. М.: Политиздат, 1983.
2. Изменение положения женщины и семья. М.: Наука, 1977.
3. Караханова Т.М. Ценностные ориентации работающих женщин и использование рабочего времени // ОНС. 2003. № 3.
4. Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. 2000. № 3.
5. Рыбцова Л.Л. Жизненные ценности женщин // Социс. 2000. № 10.
6. Силласте Г.Г. Эволюция духовных ценностей россиянок // Социс. 1995. № 10.
7. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1995. № 6.

© *В.Н. Шеминов*

Партии в условиях модернизации политической системы

Политическая система – реальный сложный механизм формирования и функционирования власти в обществе. Он включает государство, партии, СМИ, различные политические ассоциации и объединения, другие политические субъекты и их взаимоотношения, политическое сознание и культуру, политические нормы и как целостный организм находится в сложном взаимодействии с окружающей средой.

Современную политическую систему в России еще во многом характеризуют черты переходности. В ней сохранились некоторые элементы старого дореформенного типа, появились и начали функционировать и некоторые новые демократические политические институты.

Пока же говорить о завершении процесса формирования демократической политической системы в России преждевременно.

Так, в послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 26 мая 2004 года отмечается: «...наше общественное устройство пока далеко от совершенства. И нужно признать: мы в самом начале пути».

Там же подчеркивается, что только институты демократического государства и гражданского общества «в состоянии гарантировать незыблемость нравственных и политических основ развития страны на многие годы вперед».

При этом Президент РФ дал критическую оценку состоянию нашей демократии, поскольку политическая система в его нынешнем виде, по его словам, не является инструментом реального народовластия, не налажен продуктивный диалог власти и общества.

«Без зрелого гражданского общества, - делает вывод Президент РФ, - невозможно эффективное решение насущных проблем людей. Качество их повседневной жизни прямо зависит от качества общественно-политической системы».

Проблемы общественно-политического развития стран в переходных условиях наиболее полно сегодня анализируются теорией модернизации, возникшей в 50-60 годы XX века в США. Теории модернизации означают одновременно и стадию (состояние) общественных преобразований и процесс перехода к современным обществам, качественно новому демократическому состоянию общества, его политической системы.

Модернизация - последовательное движение к заданному состоянию через ряд промежуточных этапов.

Модернизация политической системы целостный, относительно длительный этап, на котором возможно не только развитое, но и простое воспроизводство ранее существовавших структур.

При этом следует отметить, что трудно сегодня представить общество, его политическую систему без функционирования политических партий.

Партия – институт власти, без которого не может осуществляться выборное формирование государственности, начальное завоевание различными слоями населения ведущих политических позиций.

Будучи звеном вертикальной связи народа, гражданского общества и государства, участвующим практически во всех фазах политического процесса, партия выступает одним из важнейших механизмов распределения (перераспределения) в обществе властных статусов и соответственно ресурсов.

В октябре 1990 года был принят Закон СССР « Об общественных объединениях», который ввел в политическую жизнь принцип многопартийности. А с марта 1991 года началась регистрация партий и общественных организаций, число которых стремительно нарастало.

В Конституции РФ 1993 года было закреплено политическое и идеологическое многообразие, многопартийность. Все общественные объединения были признаны равными перед законом.

Однако возникшая в России многопартийность долгое время оставалась иллюзорной, поскольку структуры, состав и численность партий были очень нестабильны, программы однообразны, эклектичны, подчас дублировали друг друга, в укреплении нуждалась материальная база партий.

Наконец, участие партий в различных избирательных компаниях показало довольно низкий уровень их политической культуры, отсутствие навыков межпартийного диалога и коалиций, низкий уровень развития форм сотрудничества с гражданскими

структурами общества.

Большая часть партий и общественных движений, допущенных к выборам, персонифицирована, создана сверху, не имеет разветвленной региональной структуры, служит часто для удовлетворения непомерно высоких амбиций удачливых или не совсем удачливых политиков, для завоевания власти или ее удержания.

Большинство подобного рода мелких партий преследовали чисто коммерческие, лоббистские или местно-амбициозные цели неких групп или отдельных личностей.

Примечательно также, что политические партии фактически и сегодня не несут никакой ответственности ни перед обществом, ни перед какой-либо общественной или государственной структурой. Вследствие этого политическое влияние партий пока невелико, и более того, долгое время подобное состояние политических партий тормозило развитие общественно-политической системы.

Практика показала, что формирование многопартийности довольно длительный и болезненный процесс, тем более, что в России он проходит в условиях затяжного системного кризиса, затронувшего все сферы жизни общества. Жизнеспособность многопартийности в этих условиях, ее воздействие на стабильность в стране, как и в отдельно взятом регионе, зависят во многом от результативности реализации принятых основополагающих принципов формирования многопартийности, проверенных практикой как в России, так и за рубежом.

В ряде стран Запада многопартийность строится на функционировании двух-трех партий.

Вся многолетняя практика и участие политических партий в избирательном процессе современной России также свидетельствует от движения непомерно большого к все меньшему их количеству.

В 2001 году был принят Государственной Думой и одобрен Советом федерации РФ федеральный закон «О политических партиях»,

что явилось важным вкладом в совершенствование правовых основ многопартийности в более четкое определение понятия политической партии и создание более благоприятных условий их функционирования.

В соответствии с принятым законом общее количество партий стало резко сокращаться, а принятый Государственной Думой Российской Федерации федеральный закон «О внесении изменений в федеральный Закон «О политических партиях»» положил начало новой серьезной перестройке многопартийной системы в направлении укрупнения политических партий и значительного повышения их ответственности в модернизации политической системы страны, формировании гражданского общества.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О политических партиях» от 11 июля 2001 года. Издание Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства.) Стенограмма выступления от 26 мая 2004. ФТУП. М.: Изд-во Известия, 2004.
3. Кукина Н.В. Утверждение ценностей многопартийной системы – важнейший антиконфликтогенный фактор на региональном уровне // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М.: Едиториик УРА, 2004. С.82-88.

О социальной природе потребностей человека

Общественные потребности и проблема их удовлетворения являются императивом воспроизводственных процессов и развития человеческого общества на любом историческом этапе. Общее и принципиальное свойство их изменения на протяжении всей человеческой истории выражается в процессе их возвышения, то есть количественного и качественного совершенствования структуры, появления новых, отмирания старых, а также в изменении соотношения между различными видами потребностей. Возрастание общественных потребностей и их динамика создают побудительный мотив, импульс для создания благ, предназначенных для насыщения различных нужд людей. В настоящее время не подвергается сомнению тот факт, что общественные потребности относятся к разряду базовых, фундаментальных категорий, характеризующих развитие как человеческой цивилизации, так и экономической науки в целом.

Противоречие между потребностями и возможностями их удовлетворения на каждом данном этапе развития человеческого общества выступает в качестве движущей силы общественного прогресса. В процессе реализации этой цели формируются интересы людей, мотивы и стимулы трудовой и предпринимательской активности, создавая, таким образом, мотивационный блок в механизме общественного развития и системе детерминаций материальной и духовной, экономической, политической, этнокультурной, религиозной и иных областей жизни человека. Это противоречие способно объяснить закономерности развития человека как индивида и члена общества в едином цивилизационном русле истории, в котором прослеживаются общие глубинные социально-экономические закономерности. Потребности, деятельность человека и создаваемые им ценности имеют общесоциологическое содержание и пригодны для описания основ исторического развития.

Постоянно возобновляющийся процесс развития и удовлетворения потребностей является содержанием общественно-исторического прогресса, в котором человек выступает как начальный и конечный пункт. Общественные потребности дают начало всем видам полезной деятельности. Воспроизводство материальных и духовных ценностей и самого человека как творца и потребителя этих благ происходит на качественно новом уровне. Эта внешняя предпосылка в виде главного целевого ориентира оказывает определяющее воздействие на структуру общественного продукта и производство, общественное разделение труда, принципы и формы хозяйственной деятельности человека, экономические и социальные институты.

Потребности человека многообразны и подразделяются на физические, духовные (интеллектуальные) и социальные, раскрывая тем самым многообразие проявлений сущности человека как особого субъекта живого мира в окружающей его природной среде. В иерархии потребностей наиболее настоящими или насущными являются физические потребности (питание, одежда, жилище), насыщение которых позволяет перейти к потребностям более высокого порядка. Приведенная классификация потребностей в известной мере условна, поскольку характеристики различного рода потребностей взаимопроникают и дополняют друг друга, что позволяет использовать одни и те же определения (духовные, социальные) применительно к благам, формально относящимся к различным видам потребностей. Более того, можно утверждать, что термин “социальный”, в первоначальном смысле – “общественный, связанный с обществом, с общественными отношениями”, имеет очень широкое и универсальное применение для анализа общественных потребностей. Любые потребности человека социальны по своей природе, поскольку человек как субъект живого мира и его нужды во всем многообразии являются отражением и отношением человека к условиям его жизнедеятельности. Никогда на протяжении человеческой истории люди не были способны жить и

создавать для себя блага, удовлетворяющие их потребности, в одиночку или индивидуально. Общественное разделение труда, зародившись в глубокой древности, продолжает развиваться и сопровождать жизнедеятельность людей не только в рамках микро- и макросоциума, но теперь уже в масштабах мировой экономики, увеличивая зависимость людей и народов друг от друга на новом глобальном уровне.

Формирование потребностей человека испытывает воздействие не только со стороны производительных сил, достигнутого уровня развития общества, но и всего многообразия внешних природно-климатических факторов. Утратил свою актуальность однозначный марксистский подход к трактовке потребностей и механизма их возвышения. Исследование определяющих динамику потребностей факторов расширяется и включает новые, ранее игнорировавшиеся обстоятельства. Заслуживает внимания современная расширенная трактовка формирования человеческой личности и нации в контексте отношений человека и пространства, национального, культурного, языкового и информационного. Влияние пространства очевидно для российской истории и способно объяснить своеобразие российской государственности и социальных условий. Человек в течение своей жизни становится участником сложной системы экономических и иных отношений саморазвития общества и не может существовать вне этой системы, а громадность государственного пространства России на протяжении многовекового периода так или иначе способствовала формированию специфического психологического самосознания россиян и определенных стереотипов мышления и поведения. Суровые климатические условия в нашей стране постепенно выработали непритязательность национального характера, мужественное и спокойное отношение к трудностям как неизбежному явлению. Во внутренней жизни российский менталитет способствовал долготерпению населения по отношению к материальным тяготам, к жестокости и даже безумствам властей. Даже многовековой комплекс конфронтации народа и

власти как феномен российской общественной жизни может быть объяснен с позиции институциональных пространственных факторов. Жители любой страны рождаются в заданных пространственных и временных условиях, поэтому формирование человека и его потребностей, а также программирование социального поведения и реакции членов общества на происходящие в стране и мире изменения требует учета обстоятельств, относящихся в том числе и к сфере мегастратегии [4. С.81].

Человек как носитель социально-экономических отношений выступает в качестве производственно-экономического субъекта и социальной личности. Будучи индивидуальным по своим личностным характеристикам, он всегда и во всех своих проявлениях – член общества : семьи, команды, коллектива или иной общности людей, государства и мирового сообщества. Удовлетворение потребностей отдельного человека осуществляется в результате взаимодействия интересов личности и массовых человеческих общностей. Любая жизнедеятельность человека меняет окружающий его мир и систему экономических или социальных отношений, при этом по мере развития человеческой цивилизации усиливается социально-экономическая детерминация общественного прогресса. Оценочным критерием любого общества в конечном счете является достижение новых рубежей в социальном развитии. XX столетие продемонстрировало переход от преобладающего потребления товаров краткосрочного к предметам длительного пользования, снижение доли материально-вещественных потребностей при достижении высокого уровня их удовлетворения в развитых странах мира и возрастание доли гуманитарных потребностей. Увеличилась доля времени, направляемого на образование, спорт, медицинское обслуживание, отдых и индивидуальную творческую деятельность, содержательное общение, общественную деятельность и самодеятельность. Экономический и социальный прогресс человечества обозначил главный вектор развития человеческой

требования: не только приобретать, но и применять и развивать их в производственном процессе. Использование высоких технологий требует обновления знаний большинством специалистов не реже одного раза в 5-7 лет. Активизация творческих возможностей в условиях корпоративного производства распространяется уже не на отдельных сотрудников, а на целый коллектив фирмы или ее структурные подразделения. В экономической науке возникло новое понятие – интеллектуальный капитал, или “неосязаемые активы” фирмы.

Социальные и экономические стороны общественного прогресса находятся в тесной взаимозависимости. Технологические новшества оказывают влияние на социальную структуру общества, рождая новый цивилизационный уклад, в котором изменяется не только сфера труда и управления, но и сфера досуга. Социальные цели и их игнорирование могут создать серьезные ограничения для реализации экономических целей. В инновационной системе расширяются и укрепляются связи внутри общества и между обществом и государством, что находит выражение в таких элементах общественной организации, как социальные сети, социальные нормы и доверие, так называемые “социальные активы” и “социальный капитал” [1. С.27]. Они обладают способностью воспроизводиться, увеличиваться и накапливаться при употреблении в противоположность физическому капиталу, а их утрата в виде социально-экономического кризиса общества особенно заметна в переломные моменты развития государства.

Состояние и тенденции динамики качественных характеристик народонаселения становятся все более важными факторами развития любой страны, определяя параметры человеческого капитала и, таким образом, уровень конкурентноспособности рабочей силы. Анализ качества человеческого потенциала постсоветской России выявил тенденцию его деградации. Прежде всего следствием социально-экономических реформ в России стало ухудшение здоровья

(физического, психического и социального) россиян в последнее десятилетие. Российские психологи констатируют, что сложившиеся социально-экономические условия детерминируют серьезное снижение интеллектуального уровня российской популяции. Шоковая модель трансформации российской экономики вступила в противоречие с возможностями медико-биологической адаптации россиян к меняющимся условиям и стала главной причиной ухудшения здоровья и высокой смертности населения, особенно в трудоспособном возрасте. С 1999 года в России вопреки мировым тенденциям растет смертность от внешних причин: несчастных случаев, травм, отравлений, убийств и самоубийств, транспортных травм. Согласно прогнозам демографического воспроизводства, до 2050 года предвидится снижение численности населения страны примерно на 40 млн. человек. Тяжелым последствием рыночного пути развития России стала социальная усталость большинства населения страны.

Негативные процессы отмечены в сфере интеллектуального потенциала населения, его образования и квалификационно-профессиональной подготовки. На треть сократилась численность занятых научными исследованиями и разработками. 90-е годы отмечены высокими масштабами “утечки мозгов”, при которой российские ученые ориентируются на временную работу за пределами собственной страны. В несколько раз выше размеры внутренней миграции: ученые переходят в торговлю и иные коммерческие виды деятельности, вовлекаются в деятельность криминальных структур.

Анализируя проблемы перехода от теневой экономики к рыночной в середине 90-х годов, Всемирный банк рекомендовал для стран, находящихся в переходном состоянии, стремиться к достижению социального консенсуса, поскольку чрезмерная дифференциация доходов подрывает социально-политическую стабильность страны, снижает уровень инвестиций и сдерживает экономический рост. Социальная поляризация оказывает негативное влияние на формирование и реализацию человеческого

капитала. Годы радикального реформирования российской экономики сопровождались падением уровня жизни основной части населения и масштабной концентрацией доходов и богатства в руках относительно узкого слоя общества. Пропась между богатыми и бедными озлобляет людей, возбуждает агрессивные настроения, вызывает рост преступности, маргинализации общества и иные формы асоциального поведения людей.

Радикальные изменения экономической системы в России и переход к открытой экономике явились шоковыми не только по характеру внутренних российских потрясений, но и потому, что совпали с распространением глобальной компьютерной революции и явлением “футурошока”, усугубив протекание и реализацию социально-экономических преобразований в стране. Современная Россия дает примеры масштабного противоречия между социальной и экономической эффективностью именно на уровне реализации потенциала человеческого капитала. Это находит выражение в уровне дифференциации доходов по отраслям и регионам, материальной обеспеченности представителей бюджетной сферы, практике невыполнения своих обязательств по оплате уже выполненного труда со стороны властей различных уровней, произволе чиновников, качестве принимаемых управленческих решений как в рамках отдельной фирмы, как и на уровне государства и т.п. В целом на финансовом и психологическом уровне в России в сфере культивируемых государством приоритетов отсутствует безусловное признание человека и личности в качестве решающего фактора развития современного общества.

Библиографический список

- 1.Иванов Н. Человеческий капитал и глобализация // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 9.
- 2.О развитии человеческого потенциала в Российской Федерации // Общество и экономика. 2002. № 6.
- 3.Орлов А. Развитие экономики зависит от человеческого фактора

// Экономист. 2002. № 12.

4. Могилевкин И. Человеческий фактор в мегастратегии // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 6.

5. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО "Фирма "Изд-во АСТ", 1999. 784 с.

© С.В. Фефилин

Бог и бытие в философии Пауля Тиллиха

Пауль Тиллих, один из наиболее ярких представителей «диалектической теологии», известен прежде всего как богослов и культуролог. Но вместе с тем он из тех немногих представителей философской мысли 20 в., которые попытались выстроить свою онтологическую систему. Это тем более интересно, что представленная им система является синтезом ряда философских направлений прошлого столетия.

Но несколько слов о самом П. Тиллихе. Он принадлежит к числу наиболее ярких немецких мыслителей, вынужденных покинуть нацистскую Германию по политическим мотивам и органически выросших в интеллектуальную среду США.

П. Тиллих родился в семье лютеранского пастора. Богословское образование получил в университетах Берлина, Тюбингена и Галле. Во время Первой мировой войны служил в армии пастором-капелланом. В студенческие годы он испытал серьезное влияние либерального протестантизма, но вскоре обращается к идеям Карла Барта, популярного на тот момент одного из основоположников диалектической теологии.

В 1933 г. выходит программная книга П. Тиллиха «Выбор в пользу социализма», определившая его дальнейшую судьбу. В этой работе он критикует попытку возрождения языческого «родового мифа», предпринятого нацистским режимом. «Родовой миф» обрекает дух человека на постоянный возврат к прошлому. Он цикличен по своей природе. Нацистский «романтизм» есть движение назад, к варварству. Подлинной движущей силой мира

диалектического небытия, - уточняет он в работе, - бытие, ограниченное небытием, есть конечность» [4].

Для связки категории конечности с экзистенциальным состоянием П. Тиллих заимствует из философии С. Кьеркегора понятие «страх». Это есть осознанная конечность. Как и конечность, страх – онтологическое качество. Так как предметом «страха» является «ничто», то нельзя установить его причину, а соответственно его можно только увидеть и описать. *«Страх – это осознание конечной самостью себя как конечности (выделено мной – С.Ф.)»*, - такое экзистенциальное определение данного состояния дает П. Тиллих. По его мнению, страх присутствует как в «Адаме» (то есть в сущностной природе человека), так и во «Христе» (в новой человеческой реальности).

Интересен в этой связи подход П. Тиллиха к христологической теме. Данный догмат является символом и обязан служить в качестве иллюстрации перехода человека от отчуждения в экзистенции к «новому бытию». Соединение между Богом и человеком через Иисуса из Назарета - случайность. Поэтому историчность земной жизни Христа, его смерти и воскресения не имеют в контексте онтологической системы [5]. Данная позиция во многом объясняет широкую критику Тиллиха в теологических кругах, так как высказываемая позиция значительно расходилась с апологетической традицией.

Итак, возвращаясь к проблеме страха, необходимо отметить антропологический выход, на который указывает философ, – мужество принять на себя угрозу небытия.

Через единство страха и мужества П. Тиллих раскрывает отдельные философские категории бытия, в частности время и пространство.

«Сам страх временности существования возможен благодаря тому, что он уравновешен мужеством, утверждающим временность». Самое трудное для индивида – это утверждать настоящее, так как «он способен представить себе будущее,

которое ему еще не принадлежит, и прошлое, которое ему уже не принадлежит» [6]. Соответственно ему необходимо защищать свое настоящее от видения бесконечного прошлого и бесконечного будущего, ни к одному из которых он не причастен.

Аналогично философ характеризует и пространство. Каждое сущее старается сохранить для себя пространство. Прежде всего, это означает физическое местоположение – тело, участок земли, дом, город, страну, мир. Здесь также имеется в виду социальное «пространство» – призвание, сфера влияния, группа, исторический период, место в воспоминании или ожидании, место в структуре ценностей и значений. «Не быть в пространстве означает не быть. Отсутствие определенного и конечного пространства – это «предельная незащищенность». Быть конечным означает быть незащищенным. Такое переживается в человеческом страхе перед завтрашним днем, именно оно выражается в беспокойных усилиях человека обеспечить себе безопасное пространство – физическое и социальное. Каждому жизненному процессу присущ этот характер» [7]. Таким образом, П. Тиллих рассматривает пространство и время в духе классической экзистенциалистской традиции.

Своеобразие философии П. Тиллиха проявляется в нащупывании органической связи между традиционной экзистенциалистской проблемой разделенности категорий сущности - существования и классическими богословскими проблемами.

Сначала мыслитель аргументирует положение о разделенности между сущностным и экзистенциальным бытием. «Сущность как делающая вещь тем, что она есть, имеет чисто логический характер; сущность как то, что является в несовершенном и искаженном виде в вещи, несет печать оценки. Ценность наполняет мощью и оценивает то, что существует. Она дает ему его мощь бытия и в то же время противостоит ему как императивный закон. Там, где сущность и существование едины, нет ни закона, ни оценки (выделено мной – С.Ф.)» [8]. Но вместе

с тем теолог выводит Бога за пределы данной разделенности. «Схоласты были правы, когда утверждали, что в Боге нет различия между сущностью и существованием». И на основании этого тезиса он критикует классические попытки средневековой философии и теологии выдвинуть аргументы в пользу существования Бога. «Они искажали собственное «прозрение», когда, вопреки этому утверждению, говорили о существовании Бога и пытались его доказать. Они подразумевали реальность, ценность, истинность идеи Бога, – идеи, которая в своем значении не подразумевает кого-либо или что-либо, что может или не может существовать. Бог не существует. Он являет собой Само-Бытие вне сущности и существования. Следовательно, доказывать, что Бог существует, означает отрицать его» [9].

Основной удар критики философа приходится по рационализму томизма и естественной теологии. «В доказательстве существования Бога мир рассматривается как данное, а Бог – как искомое. Некоторые характеристики мира делают вывод - “Бог” необходим. Бог выводится из мира, - утверждает Тиллих, - но, если мы выводим Бога из мира, он не может быть тем, что бесконечно превосходит мир» [10].

Поэтому П. Тиллих постулирует собственный аргумент в пользу бытийности Бога. «Вопрос о Боге возможен, поскольку осознание Бога присутствует в вопросе о Боге. Осознание предшествует вопросу, - обосновывает он, - это не следствие доказательства, а его предпосылка». На основании данной мысли П. Тиллих утверждает, что разрушение онтологического аргумента не опасно, но опасно разрушение подхода, дававшего возможность ставить вопрос о Боге, то есть осознание элемента безусловного в структуре разума и реальности. Но вместе с тем, П. Тиллих модернизирует с точки зрения экзистенциального подхода космологический и телеологический аргументы. *«Вопрос о Боге следует ставить, потому что угроза небытия, которую*

человек переживает как страх, ведет его к вопросу о бытии, побеждающем небытие, и о мужестве, побеждающем страх. Этот вопрос есть космологический вопрос о Боге. Космологический вопрос о Боге есть вопрос о том, что предельно делает возможным мужество, – мужество, приемлющее и преодолевающее страх категориальной конечности (выделено мной – С.Ф.)» [11].

Итак, П. Тиллих – один из немногих философов, который обозначил «онтологический поворот» в 20 веке. В своей онтологической системе он соединил экзистенциальный и теологический подходы. Это позволило наполнить новым смыслом не только отдельные классические философские категории, но и придало теологическому рассуждению новую причудливую форму.

Библиографический список

1. Московские новости. 2004. № 33. С. 18.
2. Цит. По: Мень А. Библиографический словарь. СПб., 2002. Т.3. С. 123.
3. Charles P. Henderson. God and Science: The Death and Rebirth of Theism. New York, 1986. P. 94-95.
4. Тиллих П. Систематическое богословие. М., 1998. Т.1. С. 21.
5. Там же. С. 38.
6. Хегглунд Б. История теологии. СПб., 2001. С. 349
7. Тиллих П. Указ. соч. С. 42.
8. Там же.
9. Там же. С. 56.
10. Там же. С. 57-58.
11. Там же. 60.

**К вопросу эволюции понятия «инвестиции»
от А.Смита до Дж.М.Кейнса**

Инвестиции в современной трактовке экономической теории – это расходы на создание (приобретение), расширение, реконструкцию и техническое перевооружение основного капитала, а также вызванные ими изменения размеров и состава оборотного капитала [1].

В разные исторические эпохи развития экономисты-теоретики по-своему трактовали понятие «инвестиции», стремясь адекватно отразить его реальное значение экономической наукой.

Капитал, по А.Смиту, мог быть употреблен на улучшение земли, на покупку полезных машин и инструментов или других подобных предметов, которые приносят доход (прибыль) без перехода от одного владельца к другому или без дальнейшего обращения. Поэтому такие капиталы А.Смит с полным правом называет основными.

При этом «назначение основного капитала состоит в увеличении производительной силы труда или в предоставлении тому же количеству рабочих возможности выполнить гораздо большее количество работы... Таким образом, средства, надлежащим образом вложенные в какой-либо основной капитал, всегда возмещаются с большой прибылью и увеличивают годовой продукт на гораздо большую стоимость, чем стоимость затрат, необходимых для этих улучшений» [2], они есть не что иное, как инвестиции в основной капитал.

Так, если владелец большой фабрики, затрачивающий 1000 ден.ед. в год на поддержание в порядке своих машин, сможет сократить этот расход до 500 ден.ед., то он, естественно, затратит остающиеся 500 ден.ед. на покупку добавочного количества материалов (или инвестиций) для переработки его добавочным числом рабочих. Следовательно, увеличится объем работ, выполняемых машинами, и возрастут выгоды и удобства, которые общество сможет извлечь при этом.

То есть по А.Смиту «добавочный капитал», полученный в таковой форме в результате сокращения расходов основного капитала, есть инвестиции, или новый, более эффективный капитал, хотя и без указания повторного появления стоимости основного капитала в обновленной форме.

Дж.С.Милль заменил смитовское понимание инвестиций как части доходов основного капитала частью превращенной прибавочной стоимости в капитал, тем самым сделав инвестиции сбережениями. Он смотрел на инвестиции с позиций наибольшего обогащения страны в целом либо трудящегося класса в отдельности. По его мнению, всякое приращение капитала приносит труду дополнительную занятость или дополнительное вознаграждение. Таким образом, инвестиции необходимы для увеличения богатства и материального благополучия. Отсюда он выдвигает концепцию не капитальных инвестиций (как это делает К.Маркс), а производительных, увеличивающих производительность труда, а значит, доход и богатство.

При этом увеличение основного капитала происходит за счет роста производительной силы труда, то есть роста производства посредством инвестирования. В результате увеличения производительности труда растут доходы, которые после вычета всех связанных с работами затрат оставляют излишек. Последний образует доход на первоначально вложенный капитал, который должен быть не меньше прибыли на стоимость единицы использованного основного капитала.

Таким образом, инвестиции у Дж.С.Милля обязательно должны увеличить размер капитала за счет сбережения части прироста дохода от использования основного капитала для увеличения, в свою очередь, богатства его владельца. Дж.С.Милль понимает под инвестициями не часть основного капитала, превратившегося в добавочный, а часть превращенной прибавочной стоимости в капитал, приносящий еще больше богатства, коль скоро, по его мнению, весь капитал есть продукт воздержания от потребления в настоящем ради будущей пользы.

В марксистской политэкономии основной капитал авансируется на определенный срок, по истечении которого он должен быть целиком заменен. Что касается постепенного расширения предприятия в ходе частичного обновления (в современной науке это и есть инвестирование), то К.Маркс отмечает следующее. Та часть стоимости основного капитала, которая, отслужив срок своего воспроизводства, превратилась в деньги, «может послужить для того, чтобы расширить предприятие или произвести в машинах усовершенствования, которые повысят их эффективность. Таким образом, через известные промежутки времени совершается воспроизводство, и притом – если рассматривать его с общественной точки зрения, - воспроизводство в расширенном масштабе: расширенном экстенсивно, если расширяется только поле производства; расширенном интенсивно, если применяются более эффективные средства производства. Такое воспроизводство в расширенном масштабе вытекает не из накопления – не из превращения прибавочной стоимости в капитал, а из обратного превращения стоимости, которая, ответвившись, отделившись в денежной форме от тела основного капитала, превратилась в новый – в добавочный или в более эффективный капитал того же рода» [3]. Таким образом, здесь «добавочный капитал» - не что иное, как инвестиции в основной капитал.

Кроме того, процесс увеличения первоначально авансированного капитала отделяется от времени его действительного воспроизводства, или реального оборота его составных частей, подобно тому, как инвестиции приносят свой доход не сразу, а по истечении определенного времени, за которое вложенные средства принесут доход инвестору, пройдя несколько фаз процесса производства, оборота вложенного капитала. К.Маркс пишет: «Например, пусть капитал в 4000 ф.ст. оборачивается 5 раз в год. В таком случае обернувшийся капитал = $4000 \times 5 = 20000$ ф.ст. Но в конце каждого оборота возвращается, чтобы снова быть авансированным, не что иное, как первоначально авансированный капитал в 4000 ф.ст. Его величина не изменяется от числа тех

периодов оборота, в которых он снова и снова функционирует как капитал» [4]. То есть, какое бы количество раз определенная сумма вложенного авансированного капитала ни функционировала в непрерывном процессе производства, доход приносит лишь первоначально вложенная его сумма. А чтобы первоначально авансированный капитал превратился в добавочный (инвестиции), необходимо эту определенную стоимость авансированного капитала в денежной форме вложить в новый процесс производства, его расширение или реконструкцию.

Следовательно, у К.Маркса инвестиции появляются либо после окончания срока полезного использования капитала, либо после проведения ускоренной амортизации (в современном понимании) производственного оборудования как «добавочный капитал» в результате его превращения в таковой из оставшейся стоимости основного капитала.

В «Принципах экономической науки» А.Маршалл при инвестировании указывает на оценку полезности, которая должна возместить человеку не только затраченные усилия, но и ожидание их плодов. Оценка объема усилий производится в зависимости от их затраты на период между каждым последующим вложенным усилием и моментом окончания определенных работ и их готовности. Это А.Маршалл объясняет тем, что затраченные или эквивалентные им усилия могли быть употреблены в текущем периоде, не дожидаясь отсроченного удовлетворения человеческих желаний. Но, даже с учетом ущерба от ожиданий, объем будущего удовлетворения превышает объем немедленного. Таким образом, совокупная оценка усилий, тягот, вытекающая из увеличивающихся в геометрической прогрессии этих усилий и ожидания удовлетворения, полученного человеком после завершения всех работ, отдаленных по времени, покрывает все его затраты.

Все расходы, осуществляемые бизнесменом частями в ожидании отдачи от своих затрат, должны принести ее в большем размере, который бы их ему возмещал. С учетом риска неудачи размер отдачи на затраты должен превышать сам объем затрат

на сумму, повышающую уровень сложного процента пропорционально длительности периода ожидания. Но отдачей от произведенных инвестиций не является власть над благами вместо того, чтобы немедленно превратить их в средства удовлетворения, использующиеся в качестве накапливаемого источника будущего дохода. Таким образом, капитал вновь должен быть с увеличением использован в любом процессе, кроме накопления.

Таким образом, инвестиции, по А.Маршаллу, – это затраченные усилия в определенном производственном процессе, включающие вложение и в основные, и в оборотные активы, приносящие больше дохода в будущем периоде, а не в текущем, как и в современном понимании целей инвестирования (принесение дохода в будущем, получение прибыли или достижение иного полезного эффекта).

Дж.М.Кейнс был более близок к современному пониманию инвестиций в экономической теории. В «Общей теории занятости, процента и денег» он, описав целую концепцию, вводит термин «инвестиции» (I) - это превышение совокупности продаж одних предпринимателей другими (A_1) над совокупными издержками предпринимателей (U)» [5], или $T = A_1 - U$.

Доход равен превышению ценности готовой продукции (A) над издержками производства (U), или ($A - U$); потребление составляет ($A - A_1$), следовательно, сбережение равно ($A_1 - U$). То есть чистое сбережение и есть превышение чистого дохода ($A - U - V$, где V – добавочные издержки) над потреблением, или ($A_1 - U - V$).

У Дж.М.Кейнса текущие инвестиции – это «текущий прирост ценности капитального имущества в результате производственной деятельности данного периода» [6], что есть сбережения ($A_1 - U - V$), или то, что не было использовано для потребления. А чистые инвестиции за период есть разница между чистым приростом капитального имущества ($A_1 - U - V$) и суммы уменьшения ценности оборотного капитала.

Таким образом, из описанных терминов и обозначений Дж.М.Кейнс выводит ряд тождеств:

доход = ценность продукции = потребление + инвестиции,
сбережение = доход – потребление, то есть сбережения = инвестиции.

Выведенное Дж.М.Кейнсом равенство между величиной сбережений и инвестиций вытекает из двустороннего характера сделок между производителем и потребителем или покупателем капитального имущества и является продолжением взглядов Дж.С.Милля, превратившего инвестиции (капитал) в продукт сбережения. Доход – это превышение выручки предпринимателя от продажи продукции над издержками производства, текущие инвестиции – разность между ценностью закупленного оборудования и издержками его использования. Следовательно, превышение дохода над потреблением (то есть сбережение) не должно отличаться от увеличения ценности капитального имущества (то есть инвестиций). Сбережения есть остаток (доход) от осуществленных расходов на потребление.

Если предприниматель принял решение инвестировать, то произойдет сокращение потребления или расширение дохода. В этом случае в результате инвестирования остаток (сбережение) увеличивается на соответствующую сумму инвестиций.

Таким образом, данное понимание инвестиций есть не что иное, как сбережения, оставшиеся от полученного предпринимателем дохода за вычетом произведенных издержек и текущего потребления. Иными словами, инвестиции – это процесс превращения прибавочной стоимости в капитал в результате накопления.

Итак, через смитовское понимание инвестиций как средств, вложенных в основной капитал и увеличивающих годовой продукт на стоимость, большую произведенных затрат, и толкование инвестиций как обязательной составной части основного капитала Маршалла Маркс превращает «добавочный капитал» (инвестиции) в источник производства все большего количества

прибавочной стоимости, а не в источник роста благосостояния народа. Кейнс, конкретизировав данное понятие, вводит термин «инвестиции» и цепочку взаимосвязанных с ним определений, сведя его, в конечном итоге, к сбережению, как и Дж.С.Милль, но через все то же понимание органического строения капитала, дохода и накопления.

Библиографический список

1. Иванов Г.И. Инвестиции: сущность, виды, механизмы функционирования. Ростов н/Д.: Феникс, 2002. С. 352.
2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 212.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.2. Кн. 2. Процесс обращения капитала. М.: Политиздат, 1988. С. 192 – 193.
4. Там же. С. 207.
5. Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 1999. С. 63.
6. Там же. С. 64.

Содержание

М. В. Новиков, В. В. Швецов Образование и обществознание в допетровской России.....	4
С.В. Скородумов Наука, философия и религия (неразрешимые вопросы и нескончаемые споры).....	19
М.С. Емельянова Этика христианства в «Легенде о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» В.В.Розанова.....	27
Н. А. Колгушова Провинциальное предпринимательство нэпа и современность.....	32
В.П. Басков, А.Н. Кузенков Социальный аспект формирования малого предпринимательства.....	36
А.И. Василевский «Рынок труда» и его особенности в пореформенной России.....	41
Н. С. Василевская Современные проблемы рационального исследования религии.....	58
Е. А. Пелевина Региональные политические элиты.....	69
Л. Н. Талызина Политическая культура и политическая социализация молодёжи.....	73
А.А. Борисенко Ценностные ориентации женщин в период реформ.....	77

В.Н. Шеминов Партии в условиях модернизации политической системы.....	82
Л.И. Поройко О социальной природе потребностей человека.....	87
С.В. Фефилин Бог и бытие в философии Пауля Тиллиха.....	96
Е.А. Фомина К вопросу эволюции понятия «инвестиции» от А.Смита до Дж. М. Кейнса.....	102

Научное издание

Обществознание: содержание и преподавание
Материалы конференции «Чтения Ушинского»

Редактор Л.К. Шереметьева

Подписано в печать 26.10.05.

Формат 60x84/16. Гарнитура Times

Печ. л. 6,9. Тираж 100. Заказ № 749

Издательство ЯГПУ имени К.Д. Ушинского
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44
32-98-69